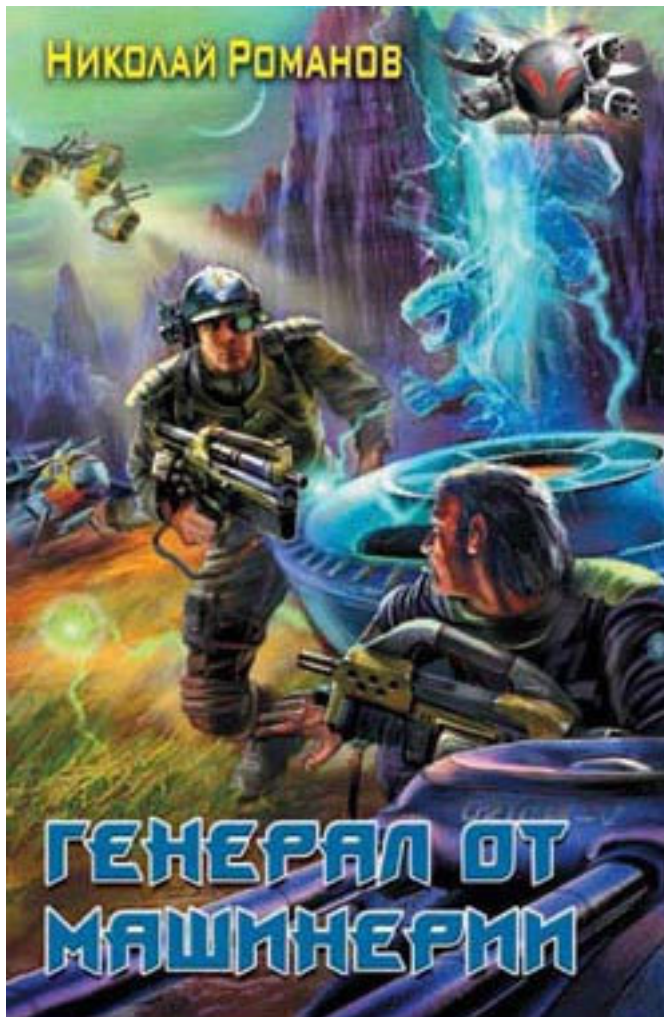

НИКОЛАЙ РОМАНОВ

ГЕНЕРАЛ ОТ
МАШИНЫ

Николай Романов

Генерал от машинерии

Серия «Экспансия», книга 2

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152813

Генерал от машинерии: Лениздат, «Ленинград»; СПб.; 2006

ISBN 5-289-02355-0

Аннотация

Роман «Генерал от машинерии» продолжает сериал «Экспансия», рассказывающий о страшной войне, которая разворачивается на границах освоенного земным человечеством пространства.

Новоиспеченный десантник Кирилл Кентаринов с товарищами начинают боевую службу на удаленной планете, которую атакуют таинственные существа. Одновременно он должен выполнить задание службы безопасности...

Содержание

1	4
2	17
3	20
4	26
5	31
6	43
7	53
8	61
9	71
10	79
11	84
12	92
13	98
14	107
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Николай РОМАНОВ

ГЕНЕРАЛ ОТ МАШИНЕРИИ

*Нет лучшего на свете приключения,
Чем пережить больному курс лечения.
Из фольклора медиков Галактического Корпуса*

*Не бегай, обрезок, от бед и забот —
И в деле ты станешь и сокол, и крот.
Триконка Кирилла Кентаринова*

1

Метелки так и сновали вокруг. Прошла, поводя гигантскими покатыми плечами, ефрейтор Сандра Каблукова. Следом промчалась Ксанка Заиченко, одарив Кирилла взглядом сияющих глаз. Потом настал черед Ритки Поспеловой, и эту мерзкую сучку Кирилл гнал поганой метлой от столба и до обеда. А потом пришла Света Чудинова, и поганая метла обернулась букетом алых и белых роз, а на Кирилле уже не было форменного черного с серебряными звездами мундира, брюк и армейских ботинок, а присутствовали перелива-

ющийся всеми цветами радуги костюм, в котором не стыдно отправиться даже к президенту, и белоснежные туфли, почему-то смахивающие на антигравитационные калоши...

– Внимание, подразделения Галактического Корпуса! – разнесся по танцполу командный голос на инлине. – Подъем!

Света удивленно распахнула голубые (с каких это пор они стали голубыми?!) глаза, а Кирилл повернулся, чтобы выложить неожиданно возникшему кандидату в командиры все, что он о нем думает.

– Внимание, галакты! Подъем!

Удивленная голубоглазая Света испарилась. Поганая метла с алыми и белыми розами – тоже. Кирилл возмущенно мотнул головой и... пришел в себя.

Перед глазами находилась матовая поверхность из неведомого материала. Кирилл хотел почесать репу, и рука начала двигаться в нужном направлении, но тут он просек ситуацию.

Ох черт! Похоже, прибыли... Вот только интересно – в какой пункт Мешка? Эта мне секретность, кол им в дюзу!

А интерком выкрикивал следующий приказ:

– Всему личному составу перевозимых подразделений принять пилюлю номер один! Аптечка на левой стенке каждой ячейки... Всему личному составу перевозимых подразделений принять пилюлю номер один! Аптечка на левой стенке каждой ячейки...

Ячейка уже осветилась, и Кирилл без труда определил, ко-

торая пилюля числится в аптечке под названным номером. Пилюля оказалась совершенно безвкусной, и ожидавший почему-то горечи Кирилл удивился. Через несколько секунд в голове окончательно прояснилось, а расслабленные мускулы налились почти привычной силой.

Крышка ячейки с шорохом откинулась вправо, и Кирилл сел. Вот ведь – будто в гробу побывал!... Это привилегия бойцов ГК – перед первым боевым десантированием полежать в этих металлических ячейках, отдаленно смахивающих на место последнего пристанища! Впрочем, иногда, должно быть, они и в самом деле превращаются в гробы.

Дьявол, что за мысли спросонья!

Он помотал головой, отгоняя не подходящие к моменту ассоциации, выбрался из ячейки, спустился на палубу и оглянулся по сторонам.

Высовывались из своих ячеек и другие. Повсюду виднелись заспанные лица – кто все еще недоумевал, где оказался и почему разбудили; кто уже понял, что прибыл к месту несения дальнейшей службы.

– Подъем! – надрывался интерком. – Всему личному составу перевозимых подразделений покинуть теплые постельки! Быстрее, галакты! Иначе в бою ксены надерут вам задницы!

Курсанты... нет, теперь уже бойцы Галактического Корпуса начали выпрыгивать из ячеек и разминать мышцы. Кирилл тоже принялся делать наклоны и приседания. Прислу-

шавшись к себе, удовлетворенно отметил, что в коленях не щелкает. И через мгновение почувствовал, что вслед за головой, руками и ногами проснулся мочевого пузыря.

Тут же на дальней стене трюма замигали триконки с буквами «WC», а интерком скомандовал:

– Внимание! Личному составу перевозимых подразделений – оправиться! – И после негромкого смешка добавил: – Позаботьтесь о сохранности нижнего белья.

– Свои трусы побереги! – пробурчал по-русски Кирилл, направляясь к туалетам. – Юморист хренов!!!

Рядом оказался Артем, суетливо проверяющий, как на нем сидит мундир. Вот ведь заботы у обрезка!... Первое дело – чтобы перед метлой покрасоваться. Плечи шире бедер, а бедра шире талии, блин!...

– Интересно, где это мы очутились? – Голос Артема звучал нетерпеливо.

Кириллу тоже было интересно, там ли они очутились, где должны, но ведь, не зная второго нечего волноваться и о первом, а потому нетерпеливость Спири показалась ему неуместной. Военную службу надо начинать с солидными повадками, не проявляя пустого любопытства.

– Скоро узнаем.

– Где бы ни очутились, гости от вас не уйдут.

Кирилл обернулся. Последние слова – и тоже по-русски – произнес незнакомый тип при усах подковкой; одного с Кириллом роста, но постарше. Короткие, стриженные бобри-

ком волосы; мужественное, словно закаменевшее лицо; умный взгляд серых глаз... И погоны с одной звездой. Прапорщик, кол ему в дюзу! Откуда он тут взялся, среди бывших курсантов?

– Какие еще гости? – ошарашено пробормотал Артем.

В глазах прапорщика таилась тщательно скрываемая усмешка.

– Те самые. Гости, ломающие кости... Вот когда надо будет заботиться о сохранности нижнего белья!

Тип Кириллу не понравился. Явно из тех, кто новобранцев за людей не считает. «А вы, наверное, большой специалист по нижнему белью?» – хотел спросить Кирилл. Но сдержался: связываться с прапором, да еще из старослужащих?... Нет уж, безбашенных у нас во взводе нет! Ржавые пистоны нам не требуются! Начинать службу с дисциплинарного ареста – в конце концов оказаться в штрафроте. И никакие эсбэшники не помогут. Просто не станут помогать!

Поэтому он ограничился пожатием плеч.

Возле туалетных кабинок уже образовались очереди.

– Шевелите кормой! – надрывался интерком. – На поле боя особенно не рассидишься! Дамы, не забывайте принимать ваши таблетки! Среди медиков Корпуса специалисты по деторождению не водятся. Беременных увольняют без выходного пособия. Аборты же вредны для ваших неокрепших организмов. Подумайте о своих будущих отпрысках.

– Не разоряйся, недоумок! – слышался певучий деви-

чий голос. – Тебе один хрен ничего не перепадет, от тебя я отпрыска не заведу.

Говор был непривычно окающий.

Кругом заржали: новоиспеченные галакты солидаризировались с боевой подругой.

Со всех сторон неслоь:

– Скорее бы в драку!

– Надерем монстрам задницы!

– Рога обломаем по локоть!

– Говорят, за каждого приконченного бонус идет к окладу.

Чуть ли не полсотни кредитов!

– Ох, матушка-перематушка, счета пополним!

Энтузиазм новобранцев явно отдавал фальшью, за которой прятался самый обыкновенный стрём.

– Пополните, пополните! – пообещал давешний усатый прапор. – Если ваши собственные задницы уцелеют!

Тут Кирилл не выдержал:

– А что вы тут, собственно, очком играете? Среди нас салабонов нет! Мы из «Ледового рая».

И сразу вспомнил.

Есть салабон. С висючкой...

Прапор смерил его взглядом, в котором, кажется, пряталось вовсе не желание сцепиться.

– Я рад, – сказал он, – что к нам прибыло такое геройское подкрепление!

И скрылся в галюне.

Артем наконец обнаружил Ксанку и бросился к ней. Кирилл с тоской посмотрел ему вслед. Везет некоторым: попадают служить вместе. А вот он, Кирилл, если и встретится когда-нибудь со Светланой, то это будет настоящее чудо. Ведь, по слухам, ограниченные бои в настоящее время идут уже минимум в пяти мирах, и даже если после лагеря Светлана попадет туда же, куда и Кирилл, не факт, что они встретятся: на планете может быть несколько районов боевых действий. К тому же, он, вполне возможно, попросту не доживет до встречи с нею. Знать бы наверняка, почему предстоящие бои называют ограниченными. Может, в них участвуют не все?...

От последней мысли, в которой не было ничего, кроме мутного стрема, он даже головой помотал.

Негоже так думать галакту, даже и новоиспеченному...

Подошла очередь. Кирилл заскочил в галюн, споро совершил необходимые операции и освободил кабинку для следующего бойца. Давешний усач-прапор стоял неподалеку и, кажется, кого-то в толпе высматривал.

Откуда-то вынырнули Артем и Ксанка. Обрезок пропустил свою очередь, но толпа перед галюнами уже рассасывалась, и ожидание ему предстояло недолгое. Когда Артем, наконец, скрылся в кабине, Кирилл спросил Ксанку, смотревшую на него круглыми глазами:

– Ну как ты?

– Не писай на зенит, – ответила метелка привычным то-

ном, – не тот я... – Замолкла вдруг. И добавила чуть слышно: – Если честно, трясусь.

Кирилл понимающе кивнул: на душе у него страх все еще гонялся за ужасом. Как марсианские спутники...

Наверное, этот усатый паникер виноват.

Кирилл оглянулся в поисках прапора, но того уже съели, кости закопали и место захоронения позабыли.

Вновь ожил интерком:

– Внимание! Личному составу перевозимых подразделений закончить opravку! Приступить к получению вещевого довольствия!

Над головами новобранцев засияли триконки-указатели, и народ потянулся в соседний трюм, где разом распахнулись окошки каптерок, в каждом из которых сидело по копыту. Именно так на корпусном сленге называли каптенармусов.

Вновь образовались очереди, но продвигались здесь гораздо быстрее, чем возле гальюнов. Вскоре Кирилл уже стоял возле окна.

– Имя? – сказал на инлине копыто, седоватый дядька, на погонах которого красовались четыре старшинских снежинки. Правая сторона лица его была розовой, как у младенца. – Год рождения? Тренировочный лагерь?

– Кирилл Кентаринов, – сказал Кирилл, стараясь не смотреть на дядькину розовую кожу: по-видимому, ее недавно вырастили после обширного ожога. – Год рождения – тридцать восьмой. Марсианский лагерь «Ледовый рай».

Интересно, где так старшину обожгло. В танке, что ли, горел? Или в сбитом десантном боте?...

– А-а-а... Мы питомцы «Ледового рая»?... – Старшина глянул на Кирилла с некоторой долей интереса. Руки его, тоже розовые, продолжали прыгать по сенсор-клаве, как два неведомых зверька. – Как там Грибовой служит? Геморрой еще не одолел?

– Не одолел, – сказал осторожно Кирилл и усмехнулся, сообразив, что как вопрос, так и ответ, звучат весьма двусмысленно.

Он хотел добавить, что майор Грибовой служит начальником отдела пропаганды, но тут ему пришло в голову, что такое поведение может быть принято за раскрытие военной тайны. Кто его знает, этого розовокожего старшину? Может, он болтунов на дух не переносит? А сами-то старички, кстати, все друг про друга знают, как будто секретность и не для них. Вот и спросить бы: а откуда розовокожий вообще знает, что Грибовой на Марсе?...

Между тем копыто ввел информацию в контрольный блок шлема и трибэшника и опломбировал крышки блоков настройки. Грохнул снаряжение перед Кириллом:

– Забирай и отваливай, питомец!... Следующий!

Кирилл хотел было возмутиться такими манерами, но сдержался: в конце концов, старшина после ранения, и ему многое простительно. И неизвестно еще, как мы станем вести себя, обретя такую рожу!...

А интерком уже выдавал очередную команду:

– Внимание! Личному составу перевозимых подразделений надеть персональные тактические приборы!

Кирилл водрузил ставший прозрачным шлем на репу. Гибкие лайны беззвучно вошли в штеки.

– Внимание! Сейчас будет осуществлена активация вашего персонального тактического прибора! – напомнил интерком.

Через пару мгновений включились сотни ПТП, и сотни глоток издали торжествующий вопль. Если приняв присягу, курсанты стали бойцами Галактического Корпуса юридически, то теперь – фактически. Отныне каждый и каждая из них занесены в память штабных ИскИнов в качестве огневой единицы и каждому и каждой в предстоящих схватках будет непременно ставиться боевая задача.

Перед глазами Кирилла – казалось бы, на стекле шлема, а на самом деле прямо в мозгу – вспыхнула триконка «Рабочий язык: русский» и тут же следующая «Личному составу произнести ключ-фразу».

Сотни губ громко и отчетливо произнесли:

– Ёж был горазд намять купчихе фэйс, шею, вцыщ.

Многие не выдержали и рассмеялись, так же, как и тот момент, когда узнали ключ-фразу: последнее ее слово говорило о том, что сочинил это звукосочетание полный крышелет.

Теперь, по крайней мере, было ясно, что рабочим языком подразделения, в которое определили Кирилла, являет-

ся русский. Впрочем, любой язык можно выучить за одну ночь. Но все равно приятно.

Появилась новая триконка «Акустический анализ успешно завершен». С этого момента для персонального тактического прибора существовал в качестве командного только Кириллов голос, и на любой другой реакции не будет (кроме, конечно, приказов, передаваемых различными коммутационными устройствами). И эту связку прибора и бойца разорвет только гибель – либо ПТП, либо Кирилла. Правда, уничтожить шлем, конечно, намного сложнее, чем человека. Танки древних времен шлем бы своими гусеницами не раздавили. Впрочем, они бы не раздавили и современного бойца. Древним танкам попросту нечего делать в современной войне: их сожгли бы за несколько секунд...

Триконка сменилась: «Выберите частоту акустического информатора».

Генератор ПТП выдал сигнал в виде набора слогов «би-бэ-ба-бо-бу-бы» и начал изменять его частоту.

– Согласен, – сказал Кирилл, когда частота показалась ему подходящей.

– Подтвердите согласие, – тут же отозвался ПТП приятным баритоном.

– Согласие подтверждаю, – ответил Кирилл.

И усмехнулся, подумав, что Спирия, наверное, выбрал сопрано, похожее на голос Ксанки. Хотя вряд ли: чего доброго в запарке боя и не просечешь, когда ИскИн говорит, а когда

– Ксанка...

– Внимание! – вновь рявкнул на инлине интерком. – Личному составу перевозимых подразделений персональные тактические приборы снять, получить в камерах хранения ручную кладь и построиться согласно предписанию!

Похоже, пришло время покинуть крейсер-транссистемник и высадиться на планету, которую командование определило Кириллу и его соратникам в качестве места несения боевой службы.

Кирилл дал команду лайнам выйти из штеков, снял шлем, повесил его на ремень слева и отправился в камеру хранения. Тут тоже пришлось отстоять небольшую очередь. Наконец, чемоданчик оказался в руках Кирилла.

Когда камеры хранения опустели, вновь ожил интерком: – Внимание! Личному составу перевозимых подразделений надеть персональные тактические приборы и построиться согласно предписанию!

Кирилл снова напялил на голову шлем, и перед глазами немедленно зажглась триконка:

1–й полк 3-я рота 5-й взвод

Такая же триконка, побольше размерами, вспыхнула в воздухе поодаль, принялась медленно вращаться вокруг вертикальной оси. Всего в трюме загорелось шесть триконок, а

значит, тут сейчас было около трех сотен бывших курсантов.

Кирилл бросился к нужной триконке. И замер, остолбенев: видеоформа висела над головой того самого усача-прапора, что пророчил новоиспеченным галактам неминуемую смерть.

– Ну, что застыл, сержант? – сказал Кириллу прапор и, подняв левую руку, показал фронт построения. – Думал, тобой командовать майор прилетит? Или, больше того, генерал-майор? Нет, дружок! У нас Галактический Корпус, мы придурочные звания не любим. Кушак знал, что делал.

Кирилл тоже знал, что делал Кушак. И все курсанты учебных лагерей ГК знали, потому что эту историю ротные капралы рассказывали едва ли не при первом знакомстве.

Когда приступили к формированию Галактического Корпуса, создатели его решили резко уменьшить количество военных званий по сравнению с уже существующими родами войск.

Константин Кушаков, адмирал Звездного Флота, пользующийся большим авторитетом милитаристских комиссий законодательной власти, которому поручили создание нового рода войск, не раз говорил во всеуслышание, что ранговая система старых родов войск представляет ему излишне усложненной, что система существует для того, чтобы тешить самолюбие толстопузого офицерства, в основном занятого тыловыми делами. Когда число генеральских званий превышает число званий, которые разрешено носить бойцам, принимающим на свои плечи основную тяжесть военной службы, согласитесь, это не совсем правильно. Так говорил адмирал Кушаков – и перед журналистами, и перед своими коллегами.

Журналисты принимали его слова на ура, коллеги – скрипели зубами («Кушак в истории остаться желает!»). Тем не менее зубовный скрип не помешал адмиралу превратить

слова в дела. Результат налицо – в Галактическом Корпусе существует всего двенадцать званий, разделенных на три категории. Категория нижних чинов включает в себя рядовых, ефрейторов, сержантов и старшин. Затем следуют младшие офицеры – прапорщик, капрал, лейтенант и капитан. Ну и, наконец, командуют ими всеми старшие офицеры – майоры, подполковники, полковники и генералы. Кроме того, на погонах абсолютно всех членов Галактического Корпуса присутствуют восьмиконечные звездочки – разница лишь в их количестве и размере. Замысел адмирала был понятен – создать ратное сообщество, все члены которого братья по духу. Однако идеал, как всегда, оказался недостижимым. В массе своей отношения между старшими и младшими по званию в ГК лучше, чем в других родах войск, но противоречий все равно не избежать, поскольку главного различия – права посылать других на смерть – никто, разумеется, не отменял.

В первую очередь противоречия, как известно, отражаются в солдатском языке. Именно по этой причине солдаты именуют каптенармусов «копытами», а кассиров финансовых отделов – «финвалами».

И по той же самой причине звездочки на погонах нижних чинов называют почему-то «снежинками», а у старших офицеров «блямбами» (тут-то как раз понятно почему – из-за размера).

Тем не менее, любой армейский генерал позавидовал бы моральной обстановке в любом подразделении Галактиче-

ского Корпуса, поскольку седьмой закон курсантов учебного лагеря (*Курсант готов грудью защитить боевого товарища*) являлся законом и для галактов. И поскольку сам Кирилл был готов беспрекословно выполнять этот закон, а подавляющее большинство бойцов прошли через точно такие же лагеря, ни у кого не было сомнений в поддержке со стороны боевых товарищей. А что еще нужно для поддержания высокого боевого духа?

– Занимай место в строю, сержант! – Прапорщик левой рукой снова задал фронт построения.

Акустика шлема окрасила его голос в металлические тона.

Набежали другие бойцы, приписанные к пятому взводу третьей роты первого полка. Кирилл с удовлетворением отметил, что среди них оказались Артем, Ксанка и еще человек десять из «Ледового рая». Остальные были незнакомы – видно, из других лагерей. Всего набралось около пятидесяти человек. Быстро сориентировались, выстроились по росту, и прапор, велел снять шлемы, принялся за перекличку.

При наличии активированных ПТП эти вопли: «Рядовой такой-то?» – «Я!» – «Ефрейтор такая-то?» – «Я!» – казались совершенно безбашенной церемонией, но как, в частности, генералы всегда готовятся к прошедшей войне, так и, в массе своей, армейские порядки чрезвычайно консервативны. Не один военачальник не в силах убедительно объяснить, зачем в современной войне нужна строевая подготовка, но, как и сотни лет назад, курсанты в учебных лагерях тянут на плацах носок армейского ботинка.

Впрочем, скорее всего прапор делает перекличку не потому, что боится кого-либо потерять, а чтобы уже сейчас хоть отчасти познакомиться с подчиненными.

– Вольно! – скомандовал между тем прапорщик, выслушав последнее «Я!». – Меня зовут Феодор Малунов. Прошу любить и жаловать, дамы и господа! Теперь нас ждет погрузка в десантный бот и приземление! Есть ли вопросы?

– Есть! – послышался голос Спири. – Нас сразу в бой?

А Кирилл подумал, что в действующих войсках начальство, похоже, не зря стремится комплектовать подразделения по национальному признаку. Впрочем, иного и быть не может: хоть Земля и едина, но национальности в одну еще не слились, да и вряд ли, судя по всему, сольются. И характеры у представителей разных народов так отличаются друг от друга, что даже армейские порядки предпочитают под это отличие подстраиваться.

– Конечно же, сразу, – ответил между тем Артему прапорщик. – Вы даже представить себе не можете, рядовой, до какой степени мы не способны справиться с гостями без вас! ... Ваше имя?

– Рядовой Спиридонов, господин прапорщик!

– Не прите впереди транссистемника, рядовой Спиридонов. На ваш век боев хватит с лихвой. А если начнете слишком уж спешить, век ваш, боюсь, окажется весьма и весьма коротким. Ясно ли я выразился?

– Так точно, господин прапорщик!

– Это касается и всех остальных! Ясно, дамы и господа?

– Так точно, господин прапорщик! – отчеканил строй.

А Кирилл подумал, что их новый командир, видимо, и сам

не слишком отважен, и подчиненных будет сдерживать. С таким начальством недалеко и до невыполненного приказа со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Внимание! – послышался в интеркоме новый металлический голос. – Личному составу перевозимых подразделений немедленно начать погрузку в десантные боты!

– Взвод! – рывкнул прапор. – Смирно!... Нале-во!

Строй четко выполнил команду.

– Ориентир – наша триконка! Бегом марш!!!

Триконка тут же поплыла к открывшемуся гигантскому люку, ведущему в соседний трюм, и новоиспеченные галакты бросились ее догонять. Прапорщик Малунов пристроился к шеренге замыкающим.

Новый трюм оказался раз в десять больше того, где личный состав пересыпал полет. Кирилл с восторгом представил себе, насколько велик транссистемник, и подумал, что такая силища переломит каких угодно ксенов.

– Не отставать! – раздался сзади голос прапорщика, и в нем послышалось явное добродушие.

Между тем триконка привела взвод к нужному боту. Другие подразделения следовали своими маршрутами, не мешая друг другу, и столь четкая организация вызвала у Кирилла восхищение.

Бот, на который предстояло погрузиться, формой смахивал на лежащую бутылку, соединенную с платформой, из которой торчали шесть посадочных лап. Десантный люк нахо-

дился в «донышке» бутылки. Крыльев не было, поскольку каждый бот был снабжен гравитатором. А вот обнулителю массы были слишком велики, чтобы ими можно было оборудовать небольшие транспортные аппараты, поэтому при посадке на планету всегда присутствовали перегрузки, тем большие, чем скорее требовалось достичь поверхности.

– Взвод, стой! – скомандовал прапорщик.

Бойцы остановились.

– Надеть ПТП!

Все отстегнули от поясов шлемы и напялили их на стриженные репы. Прапорщик последовал примеру подчиненных. Едва лайны вошли в штеки, послышалась новая команда:

– Занять места в десантном боте, начиная с левого борта!

Люк– «донышко» поднялся. Новоиспеченные галакты принялись занимать кресла. Едва Кирилл плюхнулся на сиденье, включились силовые захваты, прижали тело к креслу. Через минуту-другую все бойцы заняли положенные места.

– Внимание, на борту! – раздался в шлеме незнакомый голос. – Старт – через тридцать секунд!

Ни иллюминаторов, ни экранов в десантной кабине бота не оказалось, и Кирилл пожалел, что так и не увидит свой новый мир со стороны.

– Отсчет! – сообщил пилот бота. – Пять... четыре... три... два... один... Сброс!

– Ну вот и все, – сказал Спирия. – Забудем о видеопластах. Периферия...

Он был прав. На периферических мирах обычная система видеосвязи не использовалась. То ли в целях соблюдения режима секретности, как утверждали отцы-командиры, то ли по какой-то иной причине, о которой нижним чинам знать не полагалось...

На мгновение наступила невесомость, заставив сердца десантников провалиться в животы, потом вес вернулся, а еще через пару секунд начал возрастать, и кресла повернулись, принимая транспортное положение.

– Не ссыте на зенит, дамы и господа! – послышался голос прапорщика. – Стрельбы по нам не предвидится.

«Почему он так уверен в этом?» – удивился Кирилл. И вдруг вспомнил пропагандистские клипы, утверждающие, что у противника попросту нет средств противокосмической обороны.

Утверждение показалось ему странным с того самого момента, как он об этом узнал. Как можно начинать войну на планете, не имея защиты от угроз извне?... Однако остальных сей факт, похоже, давно уже не волновал.

Бот начало потряхивать, и Кирилл понял, что машина уже в плотных слоях атмосферы. Через несколько минут вибрация прекратилась, потом все ощутили легкий толчок, и прапорщик сказал:

– С прибытием на Незабудку, дамы и господа!

«На Незабудку? – подумал Кирилл. – Вот так номер! Это же первая планета, с которой реально началось Вторжение».

– На Незабудку? – послышался Спирин голос. – Тоже мне название! Наверное, наши бои будут именоваться Незабудкинской битвой!

– Да уж непременно! – отозвался прапор. – В особенности, если выяснится, что без вас, рядовой Спиридонов, мы бы никогда в жизни не справились с ксенами.

В системе Беты Волос Вероники, звезды спектрального класса G0, то есть светила, чуть более жаркого и чуть более яркого, чем Солнце, насчитывалось двенадцать планет. Незабудка была четвертой.

Небесное тело уже более полувека проходило стадию терраформирования. Применение гравитаторов здесь не требовалось, поскольку размеры и масса планеты ненамного отличались от земных. Наклон оси к плоскости орбиты тоже был схож, и на Незабудке наверняка бы буйствовала жизнь, находишь этот шарик поближе к своему солнышку. Впрочем, тогда бы на Незабудке не оказалось залежей язонита...

Продолжительность оборота Незабудки вокруг своей оси составляла двадцать пять часов двадцать восемь минут с секундами.

Одним словом, чтобы превратить Незабудку во вторую Землю, требовалось запустить вокруг планеты старбол да изменить атмосферу, напитав ее кислородом, который к счастью, имелся – местные породы изрядно содержали его в связанном состоянии.

Сетевые информанты утверждали, что к настоящему времени воздух на Незабудке уже вполне годился для дыхания – как в земных горах на километровой высоте.

Животных с Земли сюда еще не завозили, занимались по-

ка разведением земной флоры. Правда, ни тундры, ни лесов на планете не существовало – комитет по терраформированию намеревался использовать Незабудку в качестве скотоводческой базы и обустраивал в подходящих широтах пастбища, высевая тут и там различные кормовые культуры – от кукурузы до люцерны.

Конечно, со временем земные растения начнут видоизменяться, захватывая новые районы и приспосабливаясь к их условиям, но до подобной экспансии было еще достаточно далеко. Не имелось тут пока и самого мясомолочного скота, его собирались завезти на планету только лет через пятнадцать-двадцать.

Население Незабудки насчитывало около пятидесяти тысяч человек. Половина работала на язонитовых рудниках, и большую часть работников составляли отбывающие наказание преступники, осужденные на Земле и Марсе и приговоренные к каторжным работам. Их охраняли многочисленные полицейские подразделения.

Эта часть незабудкинского социума жила по своим законам и мало соприкасалась с работниками комитета по терраформированию.

Впрочем, помимо ТФ-щиков, на планете работали и представители различных естественных наук: астрономы, метеорологи, изыскатели.

Время от времени штатские ругались с лагерным руководством, потому что когда приходил транссистемник с новой

партией заключенных, космопорт Незабудки окружали полицейские, и сквозь это оцепление земная мышь бы не проскочила. Естественно, штатские начальники принимались шуметь, что военные срывают им все работы по разгрузке корабля... Так продолжалось десятилетиями и продолжалось бы дальше, но однажды случилось то, что ожидалось со времен открытия Мешка.

Вторжение на Незабудку началось совсем не так, как изображаются подобные действия в многочисленных клипах-блокбастерах. Не вынырнули из подпространства космические крейсеры угрожающего вида, с ревом рассекающие звуконепроницаемый вакуум; не зазвучала в ушах тревожная музыка, наваливающаяся на нервную систему неподъемным грузом; не ринулись сквозь атмосферу десантные баржи, маневром уклоняющиеся от огня установок противокосмической обороны... Просто один из искусственных спутников, запущенных вокруг Незабудки, в своем вечном пути пролетая над районом, в котором совсем недавно заменили неведомо как попавшую сюда верблюжью колючку на более благородные травы, превратив таким образом пустыню в степь, засек с орбиты небольшое стадо животных.

Честно говоря, когда ТФ-щики разглядывали полученные с спутника снимки, никому из них и в голову не пришло, что ксены начали атаку на Незабудку. В первый момент, разумеется, решили, что это местные обитатели, почему-то не замеченные первооткрывателями, однако такая гипотеза не

выдерживала никакой критики и тут же была отвергнута. Но откуда же взялись эти странные существа? Если существовали и прежде, в отсутствие кислорода, то почему земной животворный газ не убил их? Если же они появились недавно, уже при землянах, то каким образом? Нет, о местном их происхождении не могло быть и речи! Эволюция не столь быстра, чтобы за каких-то полвека создать крупных позвоночных там, где и простейших-то никогда не было.

Как только кто-то из ученых высказал эту мысль, начальник лагеря, к которому обратились за помощью, тут же послал к месту обнаружения странных животных небольшой отряд – добыть хотя бы один экземпляр, чтобы можно было начать исследования и по ним сделать вывод.

Однако странные существа, представлявшие землянам неповоротливыми ленивцами, сами оказались неплохими охотниками, и посланный отряд погиб на глазах начальника, решившего понаблюдать за охотой, используя оптику транспортного летательного аппарата, доставившего охотников на место. Что взять с тюремщика?

Слава Единому, когда произошла трагедия, у начальника лагеря хватило мозгов не пытаться скрыть свою ошибку и немедленно сообщить о случившемся руководству министерства исполнения наказаний, а руководители министерства не побоялись выглядеть нелепо в глазах прессы и общественности, вынесли сор из избы и доложили обо всем президенту Конфедерации. Впрочем, главный тюремщик Обь-

единенного Человечества просто оказался мудрым человеком и, поскольку, как и многие, придерживался точки зрения, что Мешок – вовсе не природное явление, решил, что тут лучше перебдеть, чем недобдеть. Президент Конфедерации тоже считал, что человечество загнали в резервацию неслучайно, и тут же отдал соответствующие распоряжения адмиралу Кушакову, командующему Галактическим Корпусом, и уже через несколько дней бойцы Корпуса, которым до синей кормы надоела бессмысленная подготовка к чисто гипотетической войне, высадились на Незабудке и смогли наконец понять, что муштра велась не зря и война, наконец, явилась в дом. И начались первые бои с монстрами.

После чего подразделения Галактического Корпуса тут же были отправлены на все планеты, где находились язонитовые рудники.

– Можно снять персональные тактические приборы, – сказал прапор и первым стащил с себя шлем.

Новобранцы последовали его примеру, пристегнули ПТП к поясам.

– Приготовиться к выгрузке!

Открылся люк, из днища десантного бота быстро выдвинулся трап, опустился, уткнулся в стриженую траву.

В клипах-блокбастерах все это происходило, как правило, медленно. Режиссеры, по-видимому, любили плавность и неспешность. Наверное, в них был залог создания интересного видеоряда.

– Выгружаемся, дамы и господа! Слева по одному шагом марш!

Все похватали личные чемоданчики.

Шагнув на трап, Кирилл на мгновение зажмурился – так ослепительно светили местное солнце и старбол.

В новом мире было вполне тепло.

Тут же чертовски захотелось курить.

– База «Незабудка А-три» перед вами, дамы и господа!

База представляла собой скопище нескольких десятков мелких и крупных строений из розового кирпича, разделенных дорожками, посыпанными крупнозернистым розовым же песком – по-видимому, местного происхождения,

поскольку вряд ли бы даже среди военных нашелся умник, пожелавший завезти на Незабудку песок из других миров. То есть умник-то, наверное, нашелся бы. Но ему бы не позволили финансисты. Финансисты (даже из военных) в первую очередь считают деньги.

Розовые здания выглядели так легкомысленно, что Кирилл не выдержал и улыбнулся.

Чуть поодаль, слева, располагался квадратный плац, покрытый самым обыкновенным асфальтом. С краю плаца, на флагштоках, трепетали на ветру два стяга – голубое знамя Конфедерации и иссиня-черный флаг Галактического Корпуса.

Едва все новоиспеченные галакты, подгоняемые командами прапорщика, освободили бот, на их место четверо местных обитателей – все сплошь с двумя «снежинками» на погонах – принялись загружать какие-то контейнеры. Судя по тому, что при погрузке использовались ТАТы – транспортные антигравитационные тележки, – контейнеры были достаточно тяжелыми.

– Интересно, – сказал Спирия. – Тут у них ефрейторы погрузкой занимаются. А где же рядовые?

Он говорил тихо, однако прапор услышал.

– А все рядовые уже погибли, – сказал он. – Те же, кто выжил, уничтожили столько противников, что давно заработали повышение звания. – Он с усмешкой глянул на обалдевшего Спирию. – И скомандовал: – Внимание! Стройся!

Теперь построение произошло на удивление споро – что-то, а умение строиться офицеры «Ледового рая» сумели вколотить в своих подопечных.

Прапор удовлетворенно кивнул:

– Я пошел с докладом к начальству, а вы подождите в строю. Хотя... Сержант Кентаринов!

– Я!

– Оставляю вас за старшего. Наверняка все не прочь покурить после такого долгого перерыва. – Прапор понимающе усмехнулся. – Курилка вон. – Он показал на строение, напоминающее большую беседку, с большой цилиндрической урной посередине. – Можете отправляться туда.

– Есть! – рявкнул Кирилл.

– По территории базы не разбегаться. Держаться всем вместе! – строго добавил прапор и скрылся за углом ближайшего здания.

Все побросали чемоданчики и кинулись занимать скамейки в курилке, толкаясь и переругиваясь.

– Отставить толкотню! – скомандовал Кирилл.

Вообще говоря, следовало бы навешать народу ржавых пистонов и заставить сложить чемоданчики аккуратно, но курильщик курильщика всегда поймет.

Когда он намеренно неторопливо подошел к курилке, угнездившийся с краю скамейки Мишка Афонинцев сдвинул сидящих и подвинулся сам, освобождая сержанту место.

Кирилл помотал головой, закурил из предложенной пачки

и прилег рядом с курилкой, в тени, на травку.

Народ, сделав первые затяжки, делился впечатлениями о базе.

– Я думал, это утилизатор мусора у них такой, – произнес чей-то незнакомый голос. – А это, оказывается, урна. Странная какая-то!

Кирилл глянул в сторону говорившего. Это был обрезок с азиатскими глазами и широкими скулами на плоском лице.

– Эта штука называется бочкой, – пояснил Спиря. – В них в старину хранили разные жидкости. Спиртное, например, или жидкую горючку.

– Откуда ты знаешь? – спросил азиат.

– Интересовался теми временами.

Тут же возник спор, не является ли для галакта интерес к старине лишним, поскольку он ничем не помогает в бою.

– Старина – это голимый целлофан! – заявил азиат. – Что толку в том, что ты знаешь, как стреляли из лука или из этого... как его... рабалета?

– Из арбалета, – поправил Спиря. – Толк в том, что убеждаешься, насколько отважными были предки. И хочется стать таким же!

Он опять распускал хвост перед Ксанкой.

– Голимый целлофан! – не соглашался азиат. – Чужая отвага – совсем не подмога.

Кирилл спорщиков слушать не стал, лениво следя за погрузкой десантного бота. Было интересно, почему на работу

не бросили вновьприбывших. В «Ледовом раю» поступили бы именно так. Впрочем, скорее всего грузчики-ефрейторы отбывают наряд за какое-либо нарушение, и помогать им в этом деле – значит, уменьшать меру наказания. На такое никто никогда не пойдет. Исходя из чисто воспитательных целей.

Пилот десантного бота, приняв на борт контейнеры, появился в люке и помахал остающимся на планете, после чего бот бесшумно поднялся и стремительно скрылся в голубом небе. Голубизна здесь была более нежной, чем на Марсе, и скорее напоминала земную. Трава вокруг тоже была земная, но это и не удивительно, коли Незабудку объявляют едва ли не двойником колыбели человечества.

Загрузившие десантный бот ефрейторы с интересом глянули в сторону прибывшей боевой подмоги, оценивая метелок, но подходить не стали и тоже скрылись – за углом ближайшего строения.

Кирилл огляделся.

Плац, в отличие от своего собрата в «Ледовом раю», был пуст – видимо, здесь заниматься строевой подготовкой было некогда. Что и не удивительно – боевая часть есть боевая часть. Удивляло то, что вокруг лагеря отсутствовал Периметр – происходящее на территории можно было рассмотреть с любого близлежащего холма. Правда, холмов в округе не наблюдалось, степной пейзаж был ровен, как футбольное поле, лишь вдали на востоке возвышалась над горизон-

том некая замысловатая конструкция, отдаленно напоминающая десяток шпилей Петропавловской крепости (непозолоченных, разумеется, и без ангела), соединенных между собой ажурными перемычками. Воздух над конструкцией дрожал. Судя по всему, это была башня ТФ-установки, поставляющая в атмосферу освобожденный из породы кислород. Дышалось, кстати, очень даже легко – воздух был чист и свеж, как родниковая вода. Но чего-то не хватало.

Кирилл отстегнул от пояса шлем и подложил под голову. Прикрыл глаза. И понял чего не хватает – пения птиц. Находишь они сейчас на Земле или на Марсе, с высоты бы заливался жаворонок. И стрекотали кузнечики.

Слева слышались шаги. Кирилл открыл глаза и повернул голову. Рядом устраивалась Ксанка. Тут же появился и Спиря, для которого быть возле Ксанки было важнее, чем демонстрировать свои познания необразованным азиатам.

– Я познакомился, – сказал он. – Этого «рабалета» зовут Фарат Шакирянов. Он из Казани.

– Вот странно, – хмыкнула метелка. – Лагерь почему-то открыт всем ветрам. Все как на ладони... Неужели было трудно оборудовать Периметр, как у нас в «Ледовом раю»?

Кирилл тоже хмыкнул: Ксанку занимали те же самые мысли, что и его самого.

– Теперь уже не у нас, – заметил он. – Теперь у них в «Ледовом раю». И не дураки, надо думать, тут воюют. Наверное, есть какая-то причина.

Он снова прикрыл глаза.

Война была ужасно далеко, на другом конце планеты. И совсем в другом времени. А может даже, и не этом мире...

– Удивительная тишина, – сказал кто-то за спиной Кирилла.

Голос снова был незнакомым, но Кириллу было лень поворачиваться.

– Да, – согласился другой, тоже незнакомый голос. – И база кажется какой-то опустевшей.

– Райком закрыт, – объявил Спирия. – Все ушли на фронт. Без триндежа он не мог.

– Концовку я поняла. – Ксанка сорвала травинку и принялась покусывать ее. – А вот что такое «райком»?

– Термин из двадцатого века. – Артем принялся воодушевленно объяснять Ксанке, что такое «райком».

Кирилл не стал его слушать.

Над крышей строения, расположенного по другую сторону плаца, вдруг обнаружилась триконка:

Вот стратегия и тактика —
Покорится нам Галактика!
Всем, кто с Галком станет воевать,
Мы сумеем мозги разорвать!

Цвет букв был между алым и кирпичным.

«Ну и вирш! – усмехнулся Кирилл. – Видно, тот еще пушкин срифмовал. Совсем башню с курса свернуло! Это дотум-

каться надо, Галактический Корпус Галком назвать! Хорошо еще не Галкой!...»

Спиря теперь с удовольствием объяснял Ксанке, что такое «партийная идея». Ксанка с удовольствием не понимала – ей нравилось лежать рядом с Кириллом.

«Оранжевый цвет был бы лучше, – подумал Кирилл, продолжая разглядывать триконку. – Меньше похож на застаревающую кровь. А чтобы привлекала внимание, сделать пульсирующей. А еще бы стоило добавить акустический doprovod... скажем, стук сердца... такой ритмично-тревожный...»

Впрочем, присмотревшись, Кирилл понял, что это вовсе не триконка. Никакими дисплеями, как на Земле или Марсе, тут и не пахло. Триконка была нарисована на листе неизвестного материала и крепилась к крыше строения самой обыкновенной трубой.

Нет, такие триконки любимым не дарят!

Мысли Кирилла тут же унеслись к Светлане.

Как она там сейчас, в «Ледовом раю»? Второй месяц для новичка-курсанта – самый тяжелый. Или уже третий идет?... Сколько они летели к Незабудке в состоянии транспорт-сна?

Впрочем, Света ведь – тоже приютская. Приютские быстро втягиваются, к любой обстановке адаптируются. Так, помнится, говорил Доктор Айболит. Наверное, он, как всегда, был прав... Вот только не слишком ли много вокруг приютских? Во взводе прапора Оженкова едва ли не половина была приютских. Что происходит с людьми? Почему так

много брошенных детей? Может, правы священники, утверждающие, что близится Армагеддон?...

– Кир! – Ксанка ткнула его кулачком в бок. – Ты чего, заснул?

– Солдат спит, служба идет, – тут же отозвался Артем, и эта фраза оказалась всем понятной.

И всем понравилась.

– Мне вот интересно, – сказал Кирилл, поворачиваясь к метелке, – где они все?

– Кто все? – не поняла Ксанка.

– Те, кого мы пополняем.

Артем с Ксанкой принялись озираться. Потом уставились на Кирилла. Ксанка даже травинку жевать перестала, вынула изо рта.

– Думаешь, они сейчас с монстрами дерутся? – сказала она замирающим голосом.

– Конечно. Где же им еще находиться!

– Внимание, взвод! – донесся из шлема голос прапорщика Малунова. – Стройся! Правофланговый – сержант Кентаринов!

Артем и Ксанка тут же подобрались, ожидающе посмотрели на Кирилла. Тот от неожиданности раскрыл рот. Потом словно неведомая сила подняла его с мягкой травки.

– Внимание, взвод! – заорал он. – Прекратить курение! Надеть персональные тактические приборы! Строиться!

Он напялил ПТП на голову и кинулся к краю плаца, за-

нял позицию правофлангового, поднял левую руку, обозначая фронт построения...

Поначалу случилась некоторая суматоха – видать, народ излишне расслабился, – но когда трое офицеров, одним из которых был прапорщик, вышли из-за ближайшего здания, в строю оказался даже Витька Перевалов, которого за медлительность называли не иначе как Тормозилло.

Едва офицеры приблизились и остановились, как и положено по уставу, уступом влево, Кирилл рывкнул:

– Взвод! Р-равняйся! Смир-рна!

Все совершили уставные движения, словно единый механизм. Кирилл, молодежато оттягивая носок и чеканя шаг, двинулся к началству, скользнул взглядом по звездочкам и блямбам на погонах и обратился к старшему:

– Господин подполковник! Взвод новобранцев, прибывших для несения дальнейшей службы, построен!

Подпол выслушал доклад с удовлетворенным выражением на физиономии. Потом лицо его сделалось строгим, и он, шагнув к взводу, рыкнул:

– Здравствуйте, бойцы Галактического Корпуса!

При первых же звуках его голоса ИскИны в персональных тактических приборах новобранцев оценили ситуацию – ведь подпол был без шлема, в берете – и оттранслировали внутрь шлемов внешние шумы.

– Здра... жла... гсдин... подплник! – отчеканил взвод.

На Марсе бы с ближних деревьев в этот момент шугану-

лись вороны. Здесь пугаться было некому.

Подпол обвел шеренгу вновьприбывших все тем же строгим взглядом. Потом взгляд его потеплел, будто начальник увидел родных детей.

– Бойцы! От имени руководства базы «А-три» Незабудкинского гарнизона Галактического Корпуса поздравляю вас с прибытием к месту службы!

Кирилл подумал, что местные военные руководители не раз проклинали первооткрывателя, поименовавшего планету. Образованное от название цветка прилагательное звучало в устах подполковника, как хула, сорвавшаяся с языка святого отца.

Отгремело троекратное «ура».

Прозвучала команда «вольно», и вперед вышел третий офицер, тощий, словно жердь, с бородкой клинышком. На плечах его красовались капитанские погоны.

Он оказался местным капелланом и толкнул речугу, смысл которой свелся к тому, что личный состав базы гордится тем, что находится на переднем краю борьбы с ксенами, являясь щитом не только для язонитового рудника и местных обитателей, но и Солнечной системы и самой Земли.

«Не этот ли работает на службу безопасности?» – подумал Кирилл. Но потом решил, что для эсбэшника у местного капеллана слишком приметная внешность.

Потом еще трижды откричали «ура», и подпол повернул-

ся к Малунову:

– Прапорщик, размещайте личный состав в казарме номер семь.

«Кол мне в дюзу, сколько у них казарм! – подумал Кирилл. – Здоровенная база! Хотя и без Периметра...»

Потом он вспомнил, что семерка – счастливый номер, и попросил судьбу, чтобы счастье на Незабудке продолжалось как можно больше.

Когда крупные начальники удалились, прапор велел построиться в колонну по двое и отвел новобранцев к щиту, на котором красовался план базы. Оказалось, что казарм на самом деле всего четыре, а семерка означала номер строения на плане.

К этому строению колонна и направилась.

Казарма оказалась совершенно стандартной – на пятьдесят человек. Ф-мебели не было. Обычные металлопластиковые койки в два ряда...

Артем постарался оказаться рядом с Ксанкой, а Кирилл – заполучить койку возле другой стены. Тут же началась передислокация – Ксанка попыталась занять свободное место рядом. Спирия сразу набылчился, глаза его превратились в выпускные окошки бластера ближнего боя.

«Ну вот! – подумал Кирилл, беспомощно глядя на Ксанку. – Как и прежде, все мои намеки мимо мишеней!»

В последние дни учебы девица не проявляла свои симпатии к нему так открыто, и Кирилл даже начал подумывать, что Спирия, наконец, добился своего. Но сегодняшнее Ксанкино поведение показывало, что транспорт-сон не пошел ей, в этом смысле, на пользу и угроза ржавых пистонов не миновала.

– Не нужно, Роксана! – тихо сказал Кирилл.

– Почему? – взмолилась метелка. – Нас, может, убьют сегодня!

– Не нужно, Роксана! – повторил Кирилл еще тише и как можно спокойнее. – Нас не убьют. Ни сегодня, ни завтра, ни через неделю, ни через месяц.

– Почему ты так думаешь? – прошептала Ксанка.

– Мне так кажется, – сказал Кирилл. И сам поразился уверенности, прозвучавшей в собственных словах.

Ксанка молча вернулась на соседнюю с Артемом койку. Тот мгновенно перестал быть сдвоенной бластерной установкой и повеселел.

А Кирилл в очередной раз поразился терпению, с которым Спирия встречал выходки своей подружки. Сам бы Кирилл давно начистил фэйс метелке, которая считалась бы его подружкой и так открыто проявляла симпатии к другому обрезаку. Да и обрезку бы тому в торец напихал по самую маковку.

Потом он представил себе, как чистит фэйс Светлане Чудиновой и даже головой замотал. К Светлане слово «фэйс» не подходило. Ну совсем они друг другу не соответствовали – Светлана и фэйс. Ей бы больше пришлось лицо. И даже личико. А то и вовсе лик.

Тут же родился вирш:

Луноликая дева

Розы рвала в саду,

На меня поглядела,
На мою на беду.

«Если мы еще когда-нибудь увидимся, – подумал Кирилл, – я обязательно подарю ей триконку с этим четверостишием... И к триконке точно подойдет озвучка стуком сердца!»

– Внимание! – послышался голос прапора. – Персональные тактические приборы складировать в индивидуальные шкафчики.

Шкафчики оказались расположены прямо в стенах напротив коек.

– Личное оружие разместить в оружейной комнате!

Разобрались с трибэшниками – оружейная комната оказалась тут же, в казарме, рядом со спальней. Потом Малунов сводил взвод к местному копыту, и новобранцы получили постельные принадлежности.

– Имейте в виду, – предупредил копыто, – белье меняется раз в неделю.

Мда– а-а, условия тут были спартанские – правительство не намеревалось оплачивать излишние удобства бойцов Галактического Корпуса.

– Ну оно хоть одноразовое? – пошутил Спиря.

У копыта на физиономии не дернулся ни один мускул. А на Спирину шутку ответил прапорщик.

– Советую вообще всем соблюдать чистоту, – заметил

он, – киберуборщиков в лагере не предусмотрено. Их функции исполняют те, кто заступает в наряд. Имена заступающих я оглашу немного позже, но предупреждаю, что домоощенные шутники оказываются в списке чаще всех прочих. А сейчас возвращаемся в казарму, застилать постели.

Судя по тому, что постели оказались застелены однообразно, во всех лагерях этому процессу обучали по одной методике.

– А теперь прошу всех проследовать в учебный класс, проведем начальный инструктаж.

На сей раз курсанты построились в колонну по двое безо всякого приказа. Прапор бросил на них одобрительный взгляд.

А Кирилл подумал о том, что некоторые действия совершаются им (да и прочими) совершенно бездумно, на чистом автопилоте. Все-таки что ни говори, а офицеры «Ледового рая» знали свое дело и вколотили в головы раздолбаев-курсантов правила поведения, присущие всякому военному человеку.

Учебный класс находился в том самом здании, над которым торчала псевдотриконка про стратегию и тактику.

В учебном классе не оказалось шериданов, имелся лишь огромный, во всю стену, дисплей.

Малунов сделал несколько управляющих жестов, и на дисплее появились знакомые всем из курса картографии условные обозначения.

– Это наше с вами месторасположение, база «А-три». А это язонитовый рудник, который мы прикрываем.

Соответствующие значки вспыхивали и притухали. Рудник находился на северо-востоке от лагеря, судя по масштабу – милях в двухстах пятидесяти. Загорелся еще один значок – к северо-западу от лагеря, раза в два поближе, там, где, судя по условным обозначениям, проходила гряда довольно высоких холмов.

– Эта цепь возвышенностей носит название Динозавров Позвоночник, – пояснил прапор. – Рудник на Незабудке отличается тем, что добыча язонита ведется открытым способом. Иными словами, местная руда весьма дешева. А месторождение очень и очень богато. Поэтому Земля крайне заинтересована в бесперебойной работе рудника. Периодические атаки происходят вот отсюда, – прапор заставил замигать значки, изображающие холмы на северо-западе. – Так что название этой цепочки не случайно.

«Странно расположен лагерь, – подумал Кирилл. – Логичнее было бы занимать позицию на прямой между холмами и рудником. Как заслон...»

– Поставленная перед отрядом задача заключается в воздушном патрулировании дозорными отрядами района к востоку и юго-востоку от холмов и уничтожение обнаруженного противника. Прочие направления давно уже не обрабатываются, поскольку противник там не замечен ни разу. Ведется постоянное наблюдение с использованием сателли-

та, находящегося на миосотостационарной орбите. Сплошной линии фронта, как видите, на Незабудке нет, поскольку отсутствует постоянное противостояние с противником. Такова вкратце ситуация. – Прапор оглядел присутствующих. – Какие есть вопросы?

– А когда подключимся к выполнению боевой задачи мы? – тут же вылез Артем.

Похоже, Спире не терпелось ввязаться в драку на глазах у Ксанки. Кирилл усмехнулся: распустить хвост перед метелкой – первейшая забота едва ли не всякого обрезка. О Единый, сколько бы детей не появилось на белый свет, если бы не эта забота!...

– Возможно, уже сегодня, если потребуется, – сказал с усмешкой прапор. Наверное, он тоже понимал нетерпение рядового Спиридонова, хоть и в ином смысле. – Как я вам уже сказал, война на Незабудке ведется без постоянной линии фронта и вообще несколько иначе, чем велись мировые войны в истории человечества. Боевые действия здесь состоят из отдельных схваток. В окопах мы не сидим. Есть и другие отличия. И если намерения гостей не изменились, сегодня вам в бою участвовать не придется. Впрочем, это не значит, что не нужно соблюдать боеготовность. Намерения и планы гостей – величина непостоянная, со временем они имеют привычку меняться. В этом случае вы немедленно будете брошены в бой.

– А почему нельзя атаковать монстров с воздуха? – спро-

сил Мишка Афонинцев. – А потом уж добить раненых и тех, кто уцелел в бомбежке, из трибэшников.

– Так сперва и было, – сказал прапор. – Когда начались атаки, мы уничтожили ковровыми бомбардировками немало сил противника. Даже добивать было некого. Выжженная пустыня, да и только! Но такая тактика очень скоро сделалась невозможной, потому что враг научился использовать наши машины против нас самих, причем пока даже неизвестно, каким образом противник этого добивается. Средства массовой информации не сообщали, но в районе ответственности личного состава базы «Незабудка А-два» готовящееся к бою подразделение было уничтожено собственной авиацией, после чего штурмовики протаранили наземные сооружения тамошнего рудника. Погибла масса народу – как личного состава базы, так и горнодобытчиков. – Малунов выключил дисплей. – Совсем недавно подобное случилось и на планете, вращающейся вокруг Каппы Кита. Руководство тамошней базы не прислушалось к рекомендациям, разработанным штабом Корпуса с нашей подачи, а в результате база на Каппе Кита была полностью уничтожена.

Кто– то растерянно присвистнул. Средства массовой информации и в самом деле о таком случае не рассказывали.

– По этой же самой причине невозможно использовать бронетехнику. Но здесь, по крайней мере, удалось разобраться хотя бы в начальных причинах происходящего. Управляющие цепи бронемашин каким-то образом пере-

программируются, и в системы целеуказания закладываются собственные боевые сооружения и огневые позиции.

– Вот дьявол! – вырвалось сразу из нескольких глоток.

И в несколько раз больше сжалось кулаков.

– Да-да, – кивнул прапорщик. – И, полагаю, вас ждет еще немало подобных открытий.

– Но ведь так могут перепрограммироваться и персональные тактические приборы! – сказал кто-то сзади хриплым голосом.

– Теоретически могут, – согласился Малунов. – Но почему-то не перепрограммируются. Как будто в действиях противника соблюдаются положения некого морального кодекса. Диверсионного воздействия на личное оружие и снаряжение не наблюдается. Как бы ни складывалась схватка и кто бы ни брал в ней верх...

– Летучий мусор какой-то! – воскликнул тот же голос, и Кириллу показалось, что он принадлежит Витьке Перевалову.

Просто Тормозилло напуган до смерти...

– Летучий мусор, – в очередной раз кивнул прапорщик. – Но такова, дамы и господа, ситуация. Впрочем, это вовсе не означает, что так будет и впредь. Поэтому каждый из вас в любой момент должен быть готов драться и без помощи ПТП. Кстати, чтобы вы отнеслись к предстоящим боям со всей серьезностью... У нас в последнее время вообще складывается впечатление, что целью гостей являются вовсе не

язонитовые рудники, а мы, личный состав.

– А почему вы называете монстров «гостями»? – спросил Спиря.

– Видите ли, уважаемые соратники... – На лице прапорщика появилось странное выражение. – Называть монстрами тех, кто соблюдает в бою определенные правила, как-то язык не поворачивается. Уж скорее надо называть подобными словами нас, с нашими ковровыми бомбардировками... – Прапор замолчал и сглотнул, словно вгоняя себе в горло стремящиеся вырваться на свободу слова, которым не место при инструктаже подчиненных. – Сейчас бои ведутся между вооруженными различным огнестрелом бойцами Корпуса и орудующими когтем и клыком гостями.

– Сейчас? – переспросил Кирилл. – Вы полагаете, что эта тактика может измениться?

– Полагаю, – сказал Малунов, и у него дернулся правый ус. – Очень даже полагаю. Среди личного состава нашей базы ходит мнение, что гости преследуют совершенно непонятные нам цели, не имеющие ничего схожего со срывом работы рудников. А потому, по нашему мнению, произойти может все что угодно. К сожалению, командование пока склонно заблуждаться. В штабе Корпуса полагают, что речь идет исключительно об экспансии ксенов на осваиваемые землянами пограничные миры. – Излишние слова все-таки вырвались на свободу. – Но штаб, как мне кажется, ошибается...

Повисла напряженная тишина. Прапор размышлял, не

слишком ли много воли он дал собственному языку, подчиненные усиленно делали вид, будто ничего не слышали.

«Разговорчивый у нас командир, – подумал Кирилл. – Хотя, чего ему бояться? Дальше фронта не сошлют, а тут и так передовая».

Он переглянулся с Артемом и разорвал тишину новым вопросом.

– А коли целью гостей является личный состав, – сказал он, – почему периметр лагеря не оборудован силовой защитой?

– Потому что она бесполезна, – вздохнул прапор. – Первоначально наша база располагалась между холмами, откуда появляются гости, и рудником и была оборудована силовой защитой. Но тот лагерь попросту разнесли в щепки. Сквозь силовые стены гости прошли как нож сквозь масло. И позицию решено было не восстанавливать. Просто перенесли базу южнее и создали в упрощенном варианте. Тогда и обнаружилось, что гости рвутся вовсе не в сторону рудника. Более того, направление движения гостей сменилось с восточного на юго-восточное, а энергичность атак слегка возросла. Ну и мы...

Что – «ну и мы», узнать новобранцам было не дано, потому что прапор посмотрел на часы и вдруг спохватился:

– Впрочем, всему свое время. А сейчас все вновьприбывшие должны пройти обследование у главного медика базы.

Главным медиком базы оказалась довольно молодая женщина (на вид, не старше тридцати лет, но уже не из тех, кого назовешь метелкой, не задумавшись, и в погонах с двумя звездочками, между прочим), симпатичная блондинка с огромными голубыми глазами. В общем, из тех, кого издревле называют «мужицкой погибелью». Дамочка с глазами из самого синего льда...

Когда прапорщик представил ее строю своих подопечных, большинство обрезков едва ли не принялись пускать слюни. А кое-кто из метелок не сдержал презрительного фырканья по этому поводу.

Когда же Кирилл вошел в медкабинет и оказался с голубоглазкой один на один, первая мысль, пришедшая ему на ум, была о том, что дамочка эта наверняка спит с подполковником. А первым чувством стало сожаление о том, что она не спит с ним, с Кириллом. Ну и первым желанием было совершенно понятно какое... Тем более что медик с удовольствием оглядела крепкое тело Кирилла, когда он разделся, и сказала:

– Хорошее пополнение прислали. По крайней мере, с точки зрения физической подготовки.

Голос у нее был певучий-певучий. Такой голос больше бы подошел не военврачу, а актрисочке Дане Каштюк в видео-

клипе про Орфея и Эвридику.

– Так точно, госпожа капрал! – гаркнул Кирилл, и без дамочкиной реплики сообразив, что произвел на офицершу неплохое впечатление, и немедленно представив себе те любопытные картинки, участниками которых могли стать в будущем он и она.

С другой стороны неофициальная солдатская наука утверждала, что становиться любовником старшей по званию – далеко не самый умный поступок. Ржавых пистонов в таком случае огрести – как два пальца обоссать.

– Ваше имя, сержант? – спросила медичка, проводя по предплечьям Кирилла никелированным металлическим молоточком.

– Кирилл Кентаринов, госпожа капрал! – Кирилл очень хотел поёжиться, но ему удалось сдержаться.

– Тело у вас фактурное, сержант. Будь я мужиком – иззавидовалась бы. Но сначала посмотрим, как вы себя на поле боя проявите.

Кириллу показалось, что она бросила короткий взгляд на стоявшую в углу кушетку, и он едва не фыркнул. Похоже, у дамочки свое представление о «поле боя»...

– Откуда прибыли?

– Марс. Учебный лагерь «Ледовый рай». – Кирилл постарался не цепляться взглядом за надлежаще оттопыренную грудь капралыши.

– Ага... Отпрыски Лёдова, значит, у нас появились?

– Так точно!

– А что, Гмыря по-прежнему гоняет курсантов? Или на Периферию перебрался?

– Капрал Гмыря погиб, госпожа капрал.

– Как? – В голосе медички прозвучало скорее не сожаление, а удивление. – С каких это пор на Марсе гибнут военные?

Кирилл осторожно пожал плечами:

– Подробности я не знаю, госпожа капрал. Слухи ходили, вроде бы несчастный случай произошел.

– Понятно, – сказала капральша, пристально глядя ему в лицо.

Кириллу показалось, что в этих ангельских голубых глазках живет то же самое желание, что и в его душе. И взгляд его вновь поневоле коснулся капральшиной груди. Нет, определенно такие ананасы созданы на погибель обрезкам...

Рука его сама собой потянулась вперед. Но мудрый хозяин по имени Мозг остановил ее. Конечно, боец Галактического Корпуса должен быть готов к любым переделкам. Но не к мужицкому противостоянию со старшими офицерами. Поскольку сгноят. Ни один подпол не потерпит противостояние на сексуальном фронте с юным сержантом. В такой ситуации сержанту два пути: либо прочь из части, либо – во фронтовых условиях – на самые опасные участки и, как следствие, на корм могильным червям.

– Есть ли какие либо жалобы, сержант?

– Никак нет, – соврал Кирилл, поскольку жалобы у него сейчас появились. Однако рассказывать о них лагерному медику бессмысленно – все равно ничем не поможет.

– Вот и хорошо, – сказала капральша. – Галакту жаловаться, что орлу рыться в навозной куче. – И вдруг гаркнула: – Ирина!

В голосе у нее проявились такие нотки, что Кирилл возблагодарил Единого за собственную стойкость.

Из двери в боковой стене кабинета появилась еще одна дамочка, примерно одних лет с капральшей. Одета она была в белый халат, а потому воинское звание ее оставалось неясным. На внешность Ирина оказалась полной противоположностью капральше. Этакая серая мышка... и даже, скорее, не мышка, а из тех, кого приютские пацаны называли «кроко-дайлами». Этакий пищевой набор – лицо блином, нос картошкой, глазки луковками...

Только волосы были как волосы – оранжевый ежик. Не маскировочный цвет, конечно, но ведь медработнику в дозоры не ходить. Да и там до фомальгаута, какой у тебя цвет прически, под шлемом не видно.

– Слушаю, капрал! – сказала оранжевоволосая. Будто скрипнули несмазанные петли на дверях...

«А где же слово „госпожа“! – подумал Кирилл. – Голимый целлофан, дамочки, не по уставу обращеньице! Мырса-то, надо полагать, под началом у капральши...»

– Аппаратура готова? – Капральша смерила мырсу стро-

гим взглядом.

– Разумеется, – проскрипела та.

– Ирина будет курировать ваше подразделение. Прошу любить и жаловать! А теперь шагайте, сержант, на обследование!

Кирилл подхватил с вешалки свой мундир с беретом и перебрался в соседний кабинет.

Почему-то он ожидал увидеть помещение заставленным различной медицинской аппаратурой, но обнаружил тут, помимо все той же вешалки возле двери, медицинской кушетки в углу (сестры-близняшки той, что стояла у Доктора Айболита и в миллионах других медкабинетов) и стола с шериданом, лишь установку в виде горизонтально расположенного цилиндра, изготовленного из блестящего материала. Этакое никелированное бревно на четырех массивных ножках...

Мырса в белом халате села за стол:

– Вашу персонкарту, сержант.

«Ну и голос, – подумал Кирилл. – Если не скрип несмазанных петель, то треск рвущегося тряпья точно».

Он достал из кармана персонкарту и отправил мундир на вешалку.

– Раздевайтесь до трусов! – Мырса воткнула персонкарту в ридер-бокс шеридана.

– На прием к врачу пришла сорокалетняя майорша с денщиком-прапорщицей. – Кирилл принялся расстегивать ре-

мень. – «Раздевайтесь!» – сказал врач прапорщице. «Доктор, вы ошиблись, – заметила майорша. – Это я больна». – Кирилл принялся расстегивать пуговицы. – «А-а-а... – сказал врач. – Ну тогда покажите язык».

– Смешно! – Мырса вытащила персонкарту из ридер-бокса. – Не умничайте, сержант! Мне ваше тело до фомальгаута!

«А вот это явный сход с курса, – подумал Кирилл. – Достаточно посмотреть, как блестят твои глазки-луковки. Никто тебя, голубушка, тут не стыкует, потому что от одного взгляда на твою физиономию мужик перестает быть мужиком. И потому спишь ты с шайбой».

– Не умничайте, сержант! – проскрипела мырса, встала, подошла к никелированному «бревну». – Скидывайте побыстрее штаны и милости прошу в томограф, на проверку. У меня таких, как вы, еще полсотни.

Она пробежалась пальчиками по клавиатуре на боковине томографа, и ближний конец «бревна» пополз в сторону, открывая обтянутую коричневым пластиком лежанку.

Кирилл быстренько скинул брюки и забрался внутрь аппарата. Томограф с жужжанием, похожим на пчелиное, закрылся, отрезав проверяемого от внешнего мира. В наступившей темноте груди коснулось что-то холодное, и Кирилл поежился.

– Спокойнее, сержант, спокойнее! – слышался скрипучий голос. – Никто вас не съест!

Кирилл попытался задышать ровно, но ничего из этого не

получилось: в голову лезла мысль о том, что мырса разглядывает сейчас его тело, и наибольшее ее внимание, разумеется, привлекает то, что находится у него ниже пояса.

Навязчивые мысли, кол ему в дюзу! И вроде бы не ко времени. Придется воспользоваться сегодня порношайбой. Зря он, что ли, взял их с собой?

Между тем томограф открылся, и Кирилла слегка ослепило – глаза уже успели отвыкнуть от дневного света. Впрочем, слепота быстро прошла.

– Ну и как я? – спросил он, выбравшись из аппарата и хватаясь за штаны.

– В норме, – сказала мырса.

– А вот мне что интересно... Почему на базе всего два медика? Неужели вы справляетесь с потоком раненых?

Мырса впервые улыбнулась, но физиономия ее от этого не сделалась краше. Вот уж уродилась, страхолюдина, прости меня Единый! Впрочем, похоже, это вовсе не улыбка приветливости, скорее это улыбка издевательства.

– С потоком раненых мы справляемся вполне, поскольку потока попросту нет.

– Неужели мы так хорошо деремся? – удивился Кирилл, застегивая ширинку.

– Как вы деретесь, мы скоро узнаем. Что же касается личного состава базы, он драться умеет. Раненых же оказывается мало вовсе не потому, что гости не умеют драться. Они попросту наносят такие раны, что медики бессильны. Когда

же рана не смертельна, мы вполне успеваем эвакуировать раненого в Семецкий, где расположен гарнизонный госпиталь. Понятно?

– Понятно, – сказал Кирилл, снимая с вешалки мундир.

И вдруг понял, что вовсе не уродилась мырса страхолюдиной, что она попросту перенесла операцию после ранения в лицо. И ему стало стыдно за свои предыдущие мысли.

После медосмотра новобранцев, наконец, повели кормить. Кирилл знал, что после транспорт-сна рекомендуется принимать пищу не ранее чем через пять часов и что эти пять часов истекли только пятнадцать минут назад, но показалось ему, что прошла с тех пор по меньшей мере неделя – в животе кишка гонялась за кишкой, а желудок был не прочь пожрать самого себя.

По дороге в столовую, наконец-то, обнаружили те, кого новобранцы прибыли пополнять. Старослужащие в количестве нескольких десятков человек сидели в курилке – по-видимому, у них обед уже состоялся. Прапорщик Малунов кому-то из них приветственно махнул рукой.

– Оказывается, они вовсе и не в бою, – сказал Спиря, и в голосе его прозвучало откровенное разочарование. – Где же они все были?

Прапорщик его услышал.

– Те, кто вернулся из ночного дозора, отсыпались, – сказал он. – Здоровый сон лучше любого стимулятора. Те, кому заступать в вечерний, готовились к нему. Свободные от дозора и нарядов занимались стрелковой подготовкой и работали на тренажерах. А вы подумали, Спиридонов, что все в бою?

– Подумал, – признался Спиря.

– И не один он, – добавил Кирилл.

Прапорщик понимающе усмехнулся:

– Не спешите, дамы и господа. Ваше от вас не уйдет.

Столовая была оборудована столь же примитивно, как и казарма. Никакой ТФ-мебели, обычные пластиковые столы на четверых бойцов. Даже посуда была многоразовая, и пришлось прапорщику Малунову тут же назначить послеобеденный наряд, потому что помыть тарелки и столовые приборы могла и посудомоечная машина, но вот собрать все это со столов ей было не под силу, и приходилось задействовать курсантское лапье. Впрочем, не курсантское, кол тебе в дюзу, а галактское...

К счастью, ни Кирилл, ни Ксанка, ни Спиря, ни усевшаяся с ними за стол метелка из чужих в наряд не попали – Малунов назначил на хозработы едоков, усевшихся за крайний к двери стол.

– Дежурить по пищеблоку будете столами, – распорядился он. – Если, конечно, сумеете сохранить в бою свою четверку.

«Что же они все тут каркают? – подумал Кирилл. – Запугать нас хотят, что ли?»

Однако делиться с соратниками своей мыслью он не стал.

Тут же познакомились с соседкой по столу, и стало известно, что ее зовут Альвина Заславина, но можно и Вина, а в лагере «Остров сокровищ», где она проходила подготовку, ее и вовсе звали Пара Вин.

– А вы заметили, – сказала Пара Вин, – что медсестра, ра-

ботающая с томографом, явно перенесла пластическую операцию. Наверное, ранили прямо в физиономию.

У метелки оказался окающий говор, и Кирилл понял, что именно она на борту транссистемника отказала в возможной любви интеркому. Почему-то воспоминание наполнило теплом его сердце. Наверное, эта Вина – свой парень...

– Дерьмовая рана! – продолжала Пара Вин.

Спиря откровенно поежился – должно быть, ему пришла мысль, что в физиономию могут ранить Ксанку, и от мысли этой ему стало стрёмно. И, наверное, для того, чтобы попытаться справиться с родившимся в душе ужасом, он по-детски шмыгнул носом и сказал:

– Чего-то мне кажется, что нам дадут закончить обед спокойно.

– Думаешь, внезапной атаки не будет? – спросила Пара Вин.

Спиря утвердительно покивал, однако кивки эти больше смахивали на движения больного трясучкой.

Кирилл подумал, чем бы отвлечь парня от мрачных мыслей, и ничего не придумал: любые слова показались ему сейчас лишними. Как голуби, летящие над полем боя...

– Да кол им в голову! – проокала Пара Вин. – Я бы, правда, тоже пообедала бы спокойно. Но чтобы потом, после обеда, развлечься по полной программе. А что это за развлечение, если нет боя?

Спиря снова поежился.

– Да не пидай ты на зенит, – недовольно сказала Ксанка, однако было видно, что и она всего-навсего храбрится. По-видимому, она тоже представила себе ранение в лицо.

– Мне страшно за тебя, – объяснил Спира.

За такую, с позволения сказать, заботу о ближнем следовало бы капитально настучать ему по репе.

И в самом деле, Ксанка тоже съежилась, вжала голову в плечи, будто хотела спрятаться в собственное тело.

– Не трясись, Спира, не ранят нас в лицо! – сказал Кирилл самым беззаботным тоном, на какой был способен в этот момент. – Спорнём!

И словно собирающаяся гроза вдруг улетела, унесенная за горизонт изменившимся ветром.

Ксанка задрала нос. Пара Вин хихикнула. Да и Спира ожил.

– Хитер бобер, – сказал он. – Спор-то в одну сторону... Если проиграешь, как я выиграш получи?

Слава Единому, обрезок понял свою ошибку и поддержал игру.

– У тебя будет чувство глубокого удовлетворения. А это лучше любого материального выигрыша.

– Думаешь? – Спира почесал левую бровь. – И что я стану делать с этим глубоким чувством?

– Продашь изготовителям порношайб. Там чувство глубокого удовлетворения нужно в первую очередь.

Пара Вин фыркнула, а Ксанка скривилась:

– Да ну вас! Нашли тему для разговора за столом! Лучше скажите вот что... – Она повернулась к Спиру. – Почему ты решил, что сегодня не будет атаки?

Спира будто только и ждал этого вопроса.

– А я поговорил с прапором во время медосмотра, – он хитро улыбнулся, – и тот сказал, что гости в последнее время нападают строго через день. Вчера атака была, и, стало быть, сегодня у них выходной.

– Правда? – удивилась Пара Вин. – Прямо вот так тебе прапор и сказал? Это ж, наверное, военная тайна. Вакуум-то не трави!

Хитрая Спирина улыбка заledenела и медленно трансформировалась в неподдельную обиду.

А Кирилл посмотрел на Пару Вин.

Удивление ее явно было деланным. Похоже, метелка хотела зацепить Спиру.

– Какая, к хренам собачьим, тайна?! Это не я один слышал. Хочешь, Тормозиллу вон спроси.

– Какую еще тормозиллу? – проокала Пара Вин.

Конечно, она еще не успела познакомиться со всеми выходцами из «Ледового рая». Так за каким дьяволом села сюда, а не со своими? Глаз, что ли, положила на кого-то? Неужели на Спиру?

Метелка была средней паршивости – не красавица, но и не крокодил. Шатенистые волосы, небольшой носик, не какой-то там рубильник, зеленые глазки... Кирилл представил

Пару Вин в макияже.

А что? С боевой раскраской она, наверное, даже ничего. Не Света, конечно, но и... Не медсестра Ирина-Пищевой-Набор, к примеру.

Впрочем, против Ксанки ей ловить нечего, тем более у Спири.

– Не какую, а какого! – Спирия повозил ложкой в тарелке, будто искал там поддержки. – Вон обрезок сидит, за соседним столом.

Кирилл посмотрел на Ксанку. Та не слишком-то прислушивалась к разворачивающейся пикировке. Кабы рядом не было Артема, она бы наверняка смотрела на Кирилла. И слушала бы Кирилла. И сам черт был бы ей не брат...

Впрочем, в этом смысле черт и сейчас был ей не брат. Это было видно по выражению лица, когда она оторвала от тарелки и подняла на Кирилла сделавшиеся вдруг большими глаза. Дьявол, опять все по-старому, кол ей в дюзу!

И тут Кирилл ни с того ни с сего подумал, что отсутствие атаки сегодня – не совсем беда. А если подумать, то и совсем не беда. Потому что, в ином случае, сейчас, вполне возможно, кто-то из присутствующих уже и не сидел бы за столом, работая ложкой, а лежал бы в морге санчасти, медленно превращаясь в ледышку...

Осознав это, Кирилл удивился самому себе. Еще утром, на борту транссистемника, эта мысль ему бы и в голову не пришла. Как он тогда окрылся на прапорщика!

– А хочешь еще одну военную тайну? – Спиря не на шутку завелся, глаза его сверкали: наверное, он чувствовал, что Ксанке хочется смотреть на Кирилла. – После обеда нас бросят на хозяйственные работы.

– Это тебе тоже прапорщик сказал? – спросила Пара Вин.

– Да. У них тут такие порядки, что даже если нет атак, бойцы все равно не отдыхают.

– Ха-ха! – сказала Пара Вин. – Да это в любом военном подразделении такие порядки. Пусть лучше боец роет траншею от дерева и до обеда, чем сидит в носу ковыряет. Так нас в «Острове сокровищ» учили. И я считаю это правильно. От безделья в голове заводится всякий летучий мусор. Как говорил наш ротный капрал «От большого ума – сума да тюрьма».

Спиря выпучил глаза:

– Нет такой поговорки. Есть совсем другая! От сумы да от тюрьмы не зарекайся! Вот!

Кирилл посмотрел на него и подумал, что Спиря в сущности еще не солдат, а самый настоящий ребенок. Куда такому в бой?

А потом он удивился собственным мыслям. С какой это стати он вдруг начал относиться к Спире, как старший товарищ? Или это сержантские три «снежинки» на погонах тому виной? А может, просто дело в близости противника?

Впрочем, имеется и другое объяснение. Ведь тут наверняка ухандакали немало бойцов. Может, это души погибших

так влияют на него, те, что еще не прошли суд Единого. Когда они там определяются с местом дальнейшего существования, на какой-то день? На сороковой, что ли?

Тьфу, Единый! Что за мысли?! С такими мыслями во храм шагать, а не в бой; на панихиду, а не на битву!

Между тем, парочка этих несчастных вояк продолжала свою словесную баталию. Теперь Спирия и Пара Вин схватились в споре, как надо убивать монстров. То есть гостей.

– Надо валить их наповал, – утверждала Пара Вин. – Чтобы не мучились. Раз уж они ведут себя по-джентльменски...

– Ха! – не соглашался Спирия. – В старину была еще такая поговорка: собаке собачья смерть. Мы этих гостей в гости не приглашали. И убивать их надо так, чтобы помучились. Чтобы следующие знали, что с ними тут церемониться не станут. Кто к нам с мечом пришел – от меча и погибнет!

«Чего он так раздухарился?» – подумал Кирилл.

Впрочем, ясно – чего. Спирия опять выёживался перед Ксанкой. Чтобы ей хотелось смотреть на него, а не на Кирилла. И это ведь нормально. Он бы, Кирилл, тоже повыёживался, кабы было перед кем. Если бы, скажем, на месте Пары Вин сидела бы сейчас Светлана. Интересно все же, как она там, на Марсе? Нормально ли идет учеба? Увы, столь мелкой ростом будет нелегко, даже если ты и приютская. Исходя чисто из физических кондиций...

– От кого-то я уже слышала этот лозунг, – проокала Пара Вин.

– Это больше тысячи лет назад сказал Александр Невский. Если тебе вообще это имя говорит что-то.

– Я тоже историю в школе изучала, знаешь ли!

А с другой стороны, если бы на месте Пары Вин сидела сейчас Света, то Ксанка бы вела себя так, что Спиру бы захотелось еще больше выёживаться. Кол мне в дюзу, может, попросту надо было попроситься служить отдельно от этой парочки? Но Ксанка же ни в чем не виновата, чтобы ее так обижать!

Он вспомнил ее ту – голую и смелую – в номере «Сидонии». И помотал головой: воспоминание было не к месту и не ко времени. Да теперь оно и всегда будет не к месту и не ко времени...

– Ты чего, Кир? – тут же спросила Ксанка. Наверное, почувствовала, куда пошли его мысли.

Спира, как и всякий обрезок, был, естественно, толстокож.

– А Кент со мной не согласен, – сказал он. – Кент, наверное, тоже будет убивать монстров наповал. Чтобы не мучились. Я один тут из вас изверг.

– Я буду убивать монстров... то есть гостей, как получится. Полагаю, в бою будет некогда разбирать куда стрелять – в лапу или в голову.

Он еще хотел добавить, что не хрен, мол, тут спорить, вот начнется бой, и посмотрим тогда, кто тут чего стоит, кто будет стрелять в голову, а кто в лапу, кто будет вспоминать при

этом Александра Невского, а кому он и в голову не придет, но потом понял, что все эти споры – как раз нормальное дело, они присущи двадцатилетним парням и девчонкам так же, как желание лезть друг на друга, как желание повыпендриваться друг перед другом, как желание испытать друг друга. А вот это его понимание – как раз из совершенно другой оперы.

О Единый, неужели так действует на человека даже невеликое командирское положение!

Но Единый ему, разумеется, ничего не ответил. Если, конечно, сами эти мысли не были ответом Единого на еще не поставленные вопросы.

Спиря ошибся.

После обеда не было объявлено никаких хозяйственных работ. Едва успели покурить, как началось, по выражению прапора Малунова, привыкание к распорядку дня на базе. Начало этого процесса не стало каким-либо откровением, поскольку свелось к новому построению на плацу. Но и на сей раз построило начальство, к некоторому всеобщему удивлению, только вновьприбывших, поэтому близко посмотреть на старых опытных волков опять не удалось.

Да, собственно, и начальство-то состояло из одного все того же прапора Малунова – видимо, внимания со стороны обладателей «блямб» на погонах событие не заслуживало. Впрочем, и прапор ничего нового для Кирилла поначалу не сказал.

– Бойцы! – рявкнул он после привычного набора «равняйся-мирно». – Галакты! Хочу чуть более подробно объяснить вам обстановку вокруг базы «Незабудка А-три».

На флагштоках за его спиной шевелились под ветерком два полотнища: голубой стяг Конфедерации Объединенного Человечества и иссиня-черный с серебряными восьмиконечными звездами – Галактического Корпуса.

– Служба на базе, помимо ночного или дневного отдыха, состоит из боевого дежурства и очередных нарядов. Бывают,

разумеется наряды и внеочередные – для тех, кто не в ладах с воинской дисциплиной. – Прапор обвел строгим взглядом две шеренги новобранцев. – Однако я надеюсь, среди присутствующих таковые будут встречаться не часто.

Сзади кто-то негромко фыркнул. Кирилл тоже привычно сдержал ухмылку: при нем офицеры выражали такую надежду десятки раз, но ни у одного офицера эта надежда еще ни разу не сбылась. Внеочередные наряды в воинских подразделениях столь же неистребимы, сколь принцип единоначалия. Это же основа армии...

– В боевом дежурстве участвуют все военнослужащие базы, кроме тех, кто находится в очередной наряде. В первые дни ваше боевое дежурство будет происходить на территории базы. Должен еще раз сказать, что гости придерживаются определенных правил ведения боевых действий. В частности, в последнее время атаки ведутся строго через день и нынче у нас, так сказать, день отдыха. Однако это не означает, что службу можно нести спустя рукава. Во-первых, обстановка вовсе не является неизменной, и никто не даст вам гарантии, что атака не последует уже через пятнадцать минут. А во-вторых, если вы не готовы вступить в бой, то он может стать для вас последним с гораздо большей вероятностью, чем когда вы готовы.

Все это были азы военной службы, их вдалбливали в головы курсантов еще в «Ледовом раю», и Кирилл вернулся мыслями к заобеденному разговору.

А ведь это вопрос – надо ли быть жестокими с мон... с гостями?

С одной стороны, их никто сюда не звал, и правильно говорил древний князь Александр Невский насчет меча и гибели. А с другой, если гости ведут себя так, как о них рассказывают... не в пропагандистских клипах рассказывают, а по жизни... с клипами-то все понятно, они и снимаются для того, чтобы воспитывать в воинском контингенте ненависть к чужакам, ведь не зря в них уроды-ксены засыпают поверхность человеческих планет антивеществом или бактериологическими бомбами либо используют генетическое оружие, приводящее к тому, что в материнских утробах зачинается нежизнеспособное потомство... нет, тут вроде все ясно, однако если мон... если гости придерживаются правил кодекса чести (чьей чести-то, кол мне в дюзу!), то оправдана ли жестокость по отношению к ним? Вот ведь где вопрос на засыпку, как выражается Спиря!

Прапор продолжал втыкать народу банальные прописные истины, и не было ему никакого дела до Кирилловой обеспокоенности будущей жестокостью, своей и сотоварищи. Он бы, наверное, ее, обеспокоенность эту, даже и не понял. А прежде всего – врезал бы за недостаток боевого духа и некорректное отношение по отношению к боевым товарищам. И, возможно, был бы прав – война не терпит умствований, война требует выполнения приказов военачальников, они за все и ответственность несут, так-то вот, сержант Кентаринов,

мать вашу за локоток!...

После четвертьчасового банально-воспитательного втыка прапор объявил, что с целью поддержания боеготовности вверенного ему подразделения он устроит проверку умения новобранцев обращаться с личным оружием. Место проверки – стрельбище базы.

Отправились туда пешим порядком, благо идти было не больше километра, а летать на такие расстояния – свою мышцу не уважать, дамы и господа!...

Дамы и господа сбегали до казармы, забрали из оружейной трибэшники и колонной потопали на стрельбище.

– Запевай! – скомандовал прапор.

Увы, Серега Петухов, главный запевала учебного взвода под командованием прапора Оженкова, попал из «Ледового рая» вовсе не сюда, и Кирилл принялся судорожно ломать репу, кому теперь запевать, но тут инициативу проявил рядовой Спиридонов:

Наш славный лейтенант любил портниху Зину,
Сломал ей портмоне и швейную машину,
И кое-что еще, чего ломать не надо,
И кое-что еще, о чем не говорят!

Все так и грохнули.

Засмеялся и Малунов.

– Спиридонов! Где это вы откопали такую строевую песню?

– Такие песни пели в двадцатом веке в Советской Армии! – гордо сказал Спиря. – Я знаю, я читал.

– Не сомневаюсь, – сказал прапор. – Но давайте что-нибудь поближе к нашему времени.

Спиря вспомнил строевые, распространенные в «Ледовом раю», и затянул «Мы монстров лупим промеж глаз». Эту песню среди бывших курсантов не знал разве что глухой, и ее исполнили уже всем взводом.

Потом над колонной зазвучала «Под теплыми лучами Топимака». Строго говоря, это была вовсе не строевая песня, но в марсианских учебных лагерях ее превратили в строевую, исполняя в ритме марша.

Воодушевленно деря глотки, не заметили, как дотопали до места.

Стрельбище оказалось стандартным. Глядя на мишени, протянувшиеся вдоль дальнего края стрельбища, Кирилл вспомнил последние зачетные стрельбы в «Ледовом раю», и мысли его снова убежали к Свете Чудиновой. Не могли они сегодня вести себя иначе, ну никак не могли!

К тому же его вдруг одолело предчувствие близкого боя. Чтобы там ни говорил прапор, но именно сейчас было бы самое время гостям напасть на базу. А пока бы новобранцы пешедралом возвращались, от базы бы, как выражается Спиря, только рожки да ножки остались.

Тем не менее стрельбе по поясной мишени (вот, кстати, еще один вопрос: почему мы стреляем по поясным мише-

ням, если воевать собираемся вовсе не с людьми?) мысли и предчувствия эти не помешали – Кирилл выбил сорок семь из пятидесяти. Мазила Спирия остановился всего на сорока трех, а Ксанка – на сорока пяти. Пара Вин выбила сорок восемь. Для метелки результат был просто-напросто фантастический. Однако Спирия, когда Кирилл поделился с ним этой мыслью, с авторитетным видом заявил, что умение стрелять у некоторых метелок присутствует от матушки-природы. Не случайно же, Кент, в старину немало было снайперов-женщин.

– Вакуум травишь, обрезок! – не поверил Кирилл.

– Да пусть меня Единый громом шандарахнет!

Однако Пара Вин чемпионом вовсе не стала. Всех поразило Тормозилло. Сорок девять – такого результата у него никогда не было.

Прапор Малунов удовлетворенно побряхтел и объявил Тормозилле и Паре Вин благодарность. Благодарности от лица службы удостоился и Кирилл – авторитет младшего командира прапор не поддержать не мог, тем более что сорок семь – это вам не баран начихал, дамы и господа!... С такой стрелковой подготовкой воевать можно. А вот те, кто выбил меньше сорока, рискуют в бою своим здоровьем, а то и жизнью. Гости – они вас жалеть не станут, они с вас спросят, и нужно будет дать адекватный ответ. Хотите не хотите, а придется, иначе какого дьявола вы заявили в Галактический Корпус?

В общем, прапорова раздача по заслугам снова напомнила Кириллу схожие речи ротного капрала Дмитрия Олегыча Гмыри, царствие ему небесное, о мертвых или хорошо, или ничего...

– Вы только послушайте, – прошептала за спиной Кирилла Ксанка. – Дог да и только!

– Да они, прапора, все такие, – шепотом же отозвался Спирия. – Хлебом не корми, а дай навтыкать подчиненным!

– Р-разговор-рчики в стр-рою!!! – рывкнул Малунов, и все заткнулись.

А когда топали назад, на базу, Пара Вин сказала:

– Знаете, у меня все время было предчувствие, что вот сейчас, с минуты на минуту, объявят боевую тревогу, и нам придется со стрельбища рвать когти прямиком в бой.

– У меня тоже было такое предчувствие, – заметила Ксанка.

– И у меня, – отозвался Спирия.

Вокруг слышались голоса:

– И у меня... И у меня...

Шедший рядом со строем прапор удовлетворенно хмыкнул:

– Это хорошее предчувствие, дамы и господа. Это предчувствие и означает постоянную боеготовность воинского подразделения.

То есть мы все заводили друг друга своим ожиданием, понял Кирилл.

Это было знакомое ощущение. Так комедийный клип всегда кажется смешнее, когда его смотришь толпой, чем когда в одиночку.

– Что ж, – продолжал прапор. – Будем считать наше с вами знакомство в подготовке состоялось. Полагаю, не задержится и знакомство в бою.

Широкая тропка с вытоптанной травой казалась совсем земной. И можно было бы ощущать себя на Земле, если бы не два светила в небе. Ну и плюс не было слышно птичьих песен.

– Тем не менее вы должны научиться забывать об ожидании боя, иначе психика долго не выдержит, – продолжал прапор. – Ожидание должно жить в подсознании и помогать вам справиться с собой в том момент, когда начнется непосредственная атака. Я бы настоятельно посоветовал вам заниматься по вечерам аутогенной тренировкой. Перед тем как заснуть, уже лежа в постели, обязательно, похвалите себя за прожитый день, за достигнутые успехи и пообещайте себе, что и завтра справитесь со всеми поставленными перед вами задачами, сколь бы сложны они ни оказались.

– А прапор-то у нас, похоже, психолог доморощенный, – прошептал Спиря.

Кирилл же лишь плечами пожал – совет нахваливать себя, лежа в постели, показался ему смешным. Это для слабых совет, а ему, Кириллу, такое без надобности.

После возвращения со стрельбища и замены аккумуляторов в трибэшниках продолжился процесс привыкания к распорядку. И тут дело, наконец-то, дошло до обещанных Спирей хозяйственных работ. Часть личного состава занималась уборкой помещений – как казарменных, так и вспомогательных, – убирать которые, по мнению Спири, вовсе и не требовалось.

Руководил уборочным процессом лично прапорщик Малунов.

Другая часть взвода (в основном, метелки) под командованием медсестры Ирины-Пищевой-Набор занималась благоустройством клумбы перед зданием штаба базы. Оказалось, что в этих широтах наступила весна и самое время сажать цветы. На клумбу прапор направил и Кирилл, как будто опасался, что медичка не справится с боевыми подругами. Шанцевого инструмента хватило на всех, поэтому землю перед штабом перекопали быстро. Потом, пока метелки разбирались с семенами и луковичками, Кирилл сделал несколько прямоугольных грядок. А потом его от работы отстранили (медсестра заявила, что цветы не любят мужских рук), и он от нечего делать взялся за метлу и принялся подметать песчаные дорожки вокруг штаба. Судя по тому, что метла была из пластика, с лесами на Незабудке до сих пор проблемы.

Впрочем, кажется, ТФ-щики вообще готовят планету под гигантское пастбище, если память не изменяет...

Потом мысли обратились к происходящему, и его едва смех не пробрал: стоило готовить бойцов в многочисленных лагерях для того, чтобы использовать в качестве уборщиков и цветоводов. А с другой стороны, любому командиру ясно, что подчиненные должны быть все время заняты. На этом держится дисциплина любого воинства...

Но вот интересно, сколько таких прохлаждающихся сейчас по всей периферии Мешка? На всех ли обороняемых планетах боевые действия ведутся новобранцами таким вот образом – с метлой и граблями?

Захотелось курить. Но раз все работают – нужно потерпеть. Хорош он будет, сидючи в курилке, когда подчиненные пашут в четыре руки!...

Потом к нему явилась старая мысль. В каком-нибудь клипе во время мирной работы по благоустройству территории непременно взывала бы сирена, объявляя о внезапной атаке противника, и все бы тут же побросали грабли, метлы и лопаты и кинулись за оружием. Предчувствие воя сирены было на этот раз столь остро, что аж в ушах зазвенело. Однако минута уходила за минутой, а вместо сирены звучали лишь звонкие девичьи голоса да шарканье метлы по песку.

– Хорошо смотришься с этим инструментом, – крикнула ему Пара Вин, поправляя берет тыльной стороной ладони. – Когда выйдешь в отставку, будет чем заняться. Работа ква-

лифицированная и весьма нужная человечеству.

– Отставить шуточки! – скомандовала метелке Пищевой Набор. – Принесите-ка еще рассады, рядовой Заславина. А вы, сержант Кентаринов, помогите ей. Рассада находится в помещении номер девять. Это сразу за казармой номер два. Там не закрыто.

– Есть принести рассаду! – Пара Вин отложила грабельки и зашагала в сторону казармы номер два.

Движения ее были легки и грациозны. Идущий следом Кирилл не мог отвести взгляда от метелкиной кормы. Потом он все-таки справился с собой и оглянулся. Ксанка смотрела им вслед, и лицо у нее было такое, будто она видит Кирилла в последний раз.

Наверняка Пара Вин почувствовала на себе его взгляд. Во всяком случае, едва они вошли в помещение девять, она прильнула ананасами к Кирилловой груди и жарко прошептала:

– Хочешь, Кент?

От такого шепота захотел бы и мертвый. Но недавний Ксанкин взгляд все еще стоял перед Кирилловыми глазами. Он, взгляд этот, был, словно кусок льда, положенный на известное место. И известное место сжалось и само будто превратилось в ледышку. И почему-то Кириллу было глубоко наплевать на то, что подумает про него сейчас Пара Вин.

Подумаешь, салабон с висючкой!... Не в первый раз!

Тем более что за Ксанкиным взглядом в глубинах памяти прятался еще один – гораздо более важный и более близкий.

Светланин...

– У нас же руки грязные, – сказал Кирилл. – Неужели тебе будет приятно?

– А мы без рук! Зачем нам руки?

Кирилл представил себе, как это – без рук. И ему совершенно не понравилось.

– Нет. Без рук – неинтересно.

– Я сделаю, чтобы было интересно.

– Нет, Пара... Нет, Альвина. – Кирилл помотал головой. – Лучше как-нибудь в другой раз.

Удивительно, но она не оскорбилась. Лишь пожала плечами:

– Ну, как хочешь. По-моему, ты так смотрел на мою задницу, что... – Она не договорила и сунулась к полке, на которой стояли ящички с рассадой. – Смотри потом не пожалей!

– Может, и пожалею...

«Будто медом я намазан», – подумал он.

– Конечно, пожалеешь. Вот завтра укокошат тебя монстры, будешь валяться на травке, умирая, тогда и вспомнишь. Да только поздно окажется!

«Типун тебе на язык!» – подумал Кирилл, но не зло. Потому что злобы не слышалось и в Альвининых словах – это было вовсе не пожелание отвергнутой бабы, это просто была замена вздоху разочарования. А главное, потому что жила в Кирилле уверенность, что первый его бой ни за что не станет последним. И вроде бы вредно иметь такую уверенность бой-

цу, и даже не потому, что она может обернуться самоуверенностью, а вот самоуверенность уже смертельно опасна, а потому что такая уверенность дразнит удачу, насмехается над ней и заставляет ее отвернуться. Как говорит Спиря, нравы любят смелых, но не любят наглых... Но завтра меня точно не убьют, и никаких тебе тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо.

Пара Вин расценила его задумчивую молчаливость по-своему.

– Прости, Кент! – сказала она. – Прости, ради Единого! – И трижды сплюнула через левое плечо, и оглянулась в поисках дерева, и не нашла ничего подходящего, и тогда скривилась от суеверного предчувствия, посмотрев на несостоявшегося стыковщика беспомощно и виновато.

– Забудь, – сказал Кирилл. – Пролетели! Берем рассаду и возвращаемся!

Когда они вернулись к обновляемой клумбе, Ксанка посмотрела на них с подозрением, но ведь их отсутствие оказалось слишком коротким, а мундиры и штаны ничем не напоминали одежду только что покувыркавшихся друг с другом любовников. И подозрение, не получив пищи, умерло.

А Кирилл почувствовал себя так, будто только что одержал свою первую и главную победу.

Ближе к вечеру прапор устроил своим подопечным небольшой смотр по строевой подготовке. Измерили плац туда-сюда поодиночке и строем, вновь принялись за «Мы монстров лупим промеж глаз». После третьего раза строевая зазвучала так, будто вылетала из одной глотки.

– Ну вот, – сказал Малунов. – Теперь я вижу перед собой взвод галактов, а не толпу великовозрастных обалдуев.

И тут начали возвращаться старослужащие.

С пятнадцатиминутным перерывом две пары АТС¹ модели «шмель» со свистом рассекли воздух над базой и приземлились на посадочную площадку. Вернувшиеся из дозора бойцы устало сходили на землю, разминали затекшие мышцы, тут же, возле посадочной площадки, закуривали, и на них никто не орал, требуя соблюдения правил противопожарной безопасности и массового посещения курилок. Высадив дозорных, атээски взмыли в воздух и унеслись на другой конец базы, где находился гараж.

Вернувшихся старослужащих оказалось гораздо меньше, чем ожидал Кирилл. То ли база понесла в последнее время ощутимые потери и не случайно сюда прислали новобранцев, то ли Кирилл еще не понял, как организована служба...

---

¹ АТС – антигравитационное транспортное средство.

Вот только странно, что ксены не пользуются этой малочисленностью и не проводят решительную атаку, пользуясь малочисленностью защитников базы. Похоже, у ксенов очень слабое командование.

Во всяком случае, уж он-то, Кирилл, обязательно бы напал на расположение базы, пока не прибыло пополнение. А теперь момент упущен, теперь защитников стало больше.

Один из вернувшихся, высокий, блондинистый, похожий на викинга (как их изображают в клипах) дядька с четырьмя старшинскими «снежинками» на погонах и с двумя медалями «За отвагу» на груди подошел к прапору Малунову.

– Взвод, смирно! – скомандовал тот. – Равнение на старшину!

Новобранцы исполнили команду.

– С возвращением! – сказал старшина, обменялся с прапором рукопожатием и удовлетворенно оглядел пополнение. – Ого! Смотрю, количество стволов у нас снова увеличилось. И выглядят браво.

– Да, глотки дерут – сбрось с орбиты котелок! – согласился прапорщик. – А качество покажет первый же бой.

– Ну за этим не задержится! – Старшина усмехнулся, оглядев колонну. – Пойду помоюсь. В этих дозорах вечно всю корму отсидишь!

– Поторопись. Организуем знакомство новобранцев со старослужащими. Как обычно.

«Ну все! – подумал Кирилл. – Устроит нам офицерье

праздничное мероприятие! С торжественным маршем! Для того и репетировали! Чтобы начальство да не замутило воспитательное действо! Местный капеллан попросту задавится!»

Однако торжественное мероприятие состоялось вовсе не на плацу, а в курилке. Наверное, офицеры решили, что так новобранцам будет проще себя почувствовать на короткой ноге со старослужащими. В придачу, из офицеров был один прапор Малунов, а из старослужащих давешний старшина-викинг, оказавшийся русским мужиком по фамилии Выгонов.

Разговор завязался не сразу. Поначалу меж собой разговаривали лишь прапор и старшина, а все остальные с почтением молчали.

– Как прошел дозор? – спросил Малунов.

– Как и ожидалось, – ответил Выгонов, доставая из кармана пачку «Галактических».

К нему тут же со всех сторон потянулись едва ли не дрожащие лапы с зажигалками.

– Никаких следов гостей, – продолжал старшина, решив прикурить от зажигалки Пары Вин. – Самый настоящий выходной, кол мне в дюзу! Возле пещер ни малейшего движения, один ветер гуляет. Как будто гости решили подождать. – Выгонов обвел насмешливым взглядом притихшее окружение. – Наверное, этих вот геройских парней обоего пола... – Он с удовольствием затянулся, как будто не курил целый

день.

– Кстати, геройские парни обоего пола, – сказал прапор. – Старшина будет вашим командиром. Так что прошу любить и жаловать. В первый бой пойдете под его непосредственным руководством. На счету старшины более полусотни отбитых атак и около полутора сотен гостей. Вам будет чему у него поучиться. – Малунув кивнул в сторону Кирилла. – А это, старшина, будет твой первый помощник. Зовут – сержант Кентаринов.

Кирилл вскочил, но прапор жестом остановил его:

– Сидите, сержант, сидите. В курилке и в санблоке все равны... – Он вновь повернулся к старшине. – Стреляет Кентаринов неплохо, а в прочем разберешься. Да и все остальные, надо сказать, тоже мимо унитазов не кладут. Сегодня самостоятельно на стрельбище проверил.

– Ясно. Ну а в бою завтра проверим. Весьма рад, что к нам прибыло столь боевое пополнение. – Ни малейшего намека на издевку в последней фразе не прозвучало, и Кириллу подумалось, что старшина, кажется, мужичара свой и невыпендристый.

Во всяком случае, получше прапора будет – тот, как ни крути, офицер, а эти во всех родах войск себя голубой кровью считают.

Между тем прапор, так и не закулив, поднялся со скамейки:

– Ладно, я вас оставляю. Мне еще с командиром потолко-

вать надо. А ты поучи их тут уму-разуму.

Старшина кивнул. И спросил:

– Майор не вернулся?

– Нет. Рано еще майору. Через несколько дней.

Выгонов покивал:

– Да. Конечно.

А когда прапор удалился, снова обвел взглядом новобранцев:

– Ну, молодежь... Что вас интересует?

Оробевший народ молча рассматривал старшиновы медали. И тогда Кирилл, выражая, как ему показалось, общий интерес, спросил:

– А вы помните свой первый бой?

Старшина усмехнулся:

– Как не помнить, хотя это было уже девять месяцев назад.

– Почему девять месяцев? – проокала Пара Вин. – Откуда девять месяцев? Об атаках на Незабудку средства массовой информации заговорили едва ли не перед самым нашим выпуском из лагеря.

Старшина опять усмехнулся:

– Ну да, для безмундирников война начинается в тот момент, когда о боях начнут сообщать журналисты. Однако здесь она началась девять месяцев назад. А журналистам всей правды обычно не говорят. Меньше будут знать журналисты, меньше знать будет враг. Для того человечество и придумало режим секретности и службу безопасности.

Как ни странно, Кирилл не удивился. Ему и прежде казалось, что война началась раньше, чем о ней сообщили. Иначе все, случившееся с ним на Марсе, по крайней мере, нарушало элементарную логику. Или говорило о том, что враг внедрил своих агентов в институт вторичных моделей и лагерь «Ледовый рай» необъяснимо рано. Впрочем, рано в таких делах не бывает, бывает поздно...

И тем не менее что-то тут старшина привирает. Ибо полсотни атак в течение девяти месяцев и одна атака в два дня никак не стыкуются. Специально вводит в заблуждение, что ли? Как журналистов? Режим секретности, кол мне в дюзу?!

– Как-то не получается...

– Что не получается?

Кирилл объяснил, что именно не получается.

Старшина посмотрел на него одобрительно.

– Верно, сержант, поляну сечешь, котелок варит... Во-первых, на боевом дежурстве я вовсе не девять месяцев. Было два перерыва, по числу наград. – Он коснулся левой рукой медалей, и они чуть звякнули, будто подтверждая его слова. – А попросту говоря, дважды был ранен и лежал в гарнизонном госпитале, в Семецком... Это наша столица так называется, – пояснил он. – А во-вторых, изредка бывают периоды, когда гости по неделе не производят атак.

Все вокруг зароптали.

– Как это по неделе? – осмелился подать голос Спирия. – А что же они тогда делают?

– А дьявол их знает! Нет их в окрестностях. Вообще нет. Зато нам хоть передышка...

– Подождите, – попросил Спирия, жалобно мотая головой. – А где же они?

– А дьявол их знает! К северо-западу отсюда тянется гряда голых высоток. Высотки эти испещрены пещерами. Вот оттуда, как мы полагаем, гости и появляются.

– Динозавров Позвоночник?

– Ага, вы уже знаете...

– Нам прапорщик рассказывал, – пояснил Кирилл.

– Вот оттуда, как мы предполагаем, и появляются гости.

– Вы предполагаете? – Спирия аж глаза распахнул от удивления, которое граничило с возмущением. – А что же не разведали?

У Выгонова потемнели глаза.

«Сейчас он Спире врежет! – подумал Кирилл. – По самые помидоры!»

Однако старшина Спире не врезал. Он грустно улыбнулся, сплюнул на землю и сказал:

– Шустрое пополнение прибыло... Разведку, рядовой, мы посылали целых четыре раза. В общей сложности двадцать прекрасных парней обоего полу. Не вернулся никто.

– А разбомбить эти пещеры? – пискнула Пара Вин.

– Пытались и бомбить. Только разбомбить их невозможно, там под слоем песка скальный грунт. Уж лучше управляемыми ракетами, которые могут влететь прямо в зев пещеры.

Старшина замолк и принялся закуривать новую сигарету. У него вдруг дернулась щека, и это было так неожиданно и неприятно, что Кирилл едва не проглотил окуроч.

— Ну и?... — не выдержал кто-то.

— Ну и, — сказал старшина. — Ну и получили мы ракетами по своим же пусковым установкам. Хорошо установки автоматическими были, так что при этом никто не погиб. Больше командование рисковать не стало — не людьми, ни машинами.

«И этот нас пытается запугать, — подумал Кирилл. — Как прапорщик утром... Что они нас пугают? Или это часть психологической обработки? Проверяют нас на вшивость? Ни черта не понять!»

— Ладно, — сказал старшина, взглянув на часы. — Вводная политинформация закончена. Через десять минут сигнал на ужин.

После ужина состоялось построение и вечерняя поверка. Затем под звуки гимна Объединенного Человечества спустили с флагштоков флаги.

Удивительное дело, такого ритуала в «Ледовом раю» не было. Возможно, местные командиры пытались таким образом поднять боевой дух солдат, поскольку Кириллу, после некоторого размышления, стало казаться, что на такой войне, где ни черта не понять, боевой дух должен быстро приходить в упадок. Народу на построении оказалось совсем не так много, как ожидал Кирилл.

По окончании церемонии прапорщик Малунов сказал:

– Общий отбой у нас в двадцать два тридцать местного времени. Но сегодня будет на час позже. А в двадцать три прошу быть готовыми для выполнения некой ночной операции, не связанной с боевыми действиями. – Малунов обвел новобранцев строгим взглядом. – Хотя, если подумать, все, что происходит с нами, между собой связано.

«Какого черта? – подумал Кирилл. – Может, нам собираются устроить ночной кросс по незнакомой местности? Или снова вывезти на стрельбище, чтобы новички продемонстрировали навыки стрельбы в инфракрасном режиме ПТП?»

Честно говоря, он уже ощущал усталость. День и без боевых действий оказался непростым – хотя физических сил

вроде бы потребовалось немного, но эмоции поизрасходовались, слишком много перемен произошло за короткое время. Утро ты встречаешь транспорт-сном на борту транссистемника все еще, в общем-то, курсантом, а к ночи уже полноценный галакт, хоть и не нюхавший еще пороху... Но разве в последнем есть твоя вина? Просто не повезло. Или наоборот – повезло. В любом случае, скоро нанюхаешься по самые помидоры.

Когда прозвучала команда «Разойдись!», Спирия недовольно фыркнул:

– Во служба начинается! Спать и то не дают!

Ксанка усмехнулась:

– Это с каких пор, Спириюшка, ты сурком заделался?

– Сама ты сурок! – Спирия насупился.

Кирилл прекрасно понимал, что недовольство Артема связано вовсе не с нарушением в распорядке дня. Дело – как и прежде бывало, в Ксанке.

После того разговора в курилке «Ледового рая», незадолго до выпускных экзаменов и зачетов, метелка стала держаться от Кирилла поодаль, хотя он, как и прежде, не раз ловил на себе ее выразительный взгляд. Спирию, судя по всему, такое положение вещей устраивало. Кирилла – тем более. Впрочем, он прекрасно понимал, что доведись ему с Ксанкой оказаться один на один вдали от людских глаз, все закончится так же, как в «Сидонии». Однако стремиться к такой ситуации означало нарушать неписанные законы военного

братства. Это было ясно даже ежу! К тому же прапор Оженков как-то сказал новоиспеченному сержанту, что командир взвода не имеет права выделять кого-то среди остальных подчиненных. Особенно, это касается баб. На медсестру можешь кол точить сколько угодно, а вот на члена своего взвода – ни-ни! В противном случае, такой взвод быстро перестанет быть боевой единицей... Кирилл и не точил.

Но после транспорт-сна Ксанка снова явно стремилась оказаться поблизости от Кирилла, и Спирия не мог этого не заметить.

В общем, во время послеповерочного перекура Кирилл постарался устроиться в курилке так, чтобы рядом с ним не оказалось свободного места. Ксанка явилась в курилку следом за ним и, похоже, намеревалась сдвинуть Мишку Афонинцева, который сидел по левую руку от Кирилла, но потом передумала, устроилась напротив. Прискакавший за нею Спирия дал метелке прикурить и уселся рядом.

Покуривая, принялись за привычное для бойцов любой армии деле – перемывать косточки местным командирам. Быстро пришли к выводу, что старшина Выгонов свой в дюзу, а прапор Малунов – как и все прапоры-капралы-лейтенанты-капитаны. Что же касается руководства базы, то тут еще надо посмотреть. Хотя день, прожитый солдатом в режиме отсутствия ржавых пистонов, всяко не может считаться неудачным.

Кирилл молчал. Он вдруг впервые остро почувствовал,

насколько случившееся с ним в Гагарине отдалило его от всех остальных бойцов взвода. Да, они тоже понимают, что жизнь их в руках командира, но они понимают это умом, а он, Кирилл, после встречи с капелланом-эсбэшником понимает самым что ни на есть сердцем. Обернись дело по-другому, не сидел бы он сейчас вот тут и не разглядывала бы Ксанка его физиономию. Скорее всего, физиономию бы поедали в эту минуту земляные черви... если бы, конечно, в его могиле они вообще водились!... хотя, говорят, землян не хоронят на других планетах... а Ксанка, к немалому удовольствию Спири, искала бы утешения в его, Спириных, лапах.

От какой же мелочи временами зависит твоя судьба, боец Галактического Корпуса!

Подошел Тормозилло, попросил Мишку подвинуться.

– Не можешь в другом месте сесть? – с неудовольствием спросил Мишка.

– Надо, – коротко сказал Тормозилло.

Он устроился рядом с Кириллом, достал пачку, закурил. Вроде бы все он делал неторопливо, но чувствовалось, что ему не терпится, и Кирилл сразу все понял. Сделав пяток затяжек, Тормозилло наклонился к Кириллову уху:

– У тебя случайно шайбочки нет с какой-нибудь метелицей? Чтобы пофигуристей была. Стыковаться хочется, аж мячики трещат.

– Так сними кого-нибудь, – так же тихо ответил Кирилл. –

Какие проблемы, Витек?

Перевалов мотнул головой:

– Не-е, живу не в кайф. Виртуальные больше заводят.

Отчасти он был прав. Кирилл и сам замечал, что виртуальные любовницы порой заводят круче реальных. Дьявол знает – почему. Наверное, ведут себя так, как хочется клиенту. А живые то повернутся не так, то брякнут что-нибудь неподходящее моменту, а то и вообще звук какой-нибудь непотребный издадут да тебя же и обвинят: «Ну и накачал воздуха». Именно такую историю про свою еще долагерную подружку, помнится, рассказывал Мишка Афонинцев...

В кармане мундира у Кирилла лежало целых три вождественных предмета, три кругляшка телесного цвета – два больших, один маленький.

– Отойдем?

Они покинули курилку и перебрались в туалет.

Кирилл достал шайбы и выбрал одну из больших.

– Бери. Метелка тут очень даже фигуристая. Из блондинок. Говорить почти не о чем, но кайф словишь вполне реальный.

– От Оженкова еще? – Тормозилло вцепился в шайбу тонкими пальцами.

– От него, родимого.

– А вот таких я что-то раньше не видел. – Витек кивнул на маленькую.

– А эта не от Оженкова. – Кирилл прищелкнул языком. –

Эту я себе прикупил, пока в безмундирниках околачивался. Классная штучка! Но ты к ней не подключишься, она на мой ментальный код ориентирована. Там такая метелочка нарисована, какую мне самому захотелось.

– Громильша, что ли, Каблукова? – Тормозилло понимающе ухмыльнулся. – На эту метлу у любого кол заточится. А правда, что ее эсбэшники посадили?

– Не знаю, – сказал Кирилл, пожимая плечами. – Слухи ходили.

– А правда, что она тебе жизнь спасла?

– Это правда. А ты откуда знаешь?

Тормозилло в свою очередь пожал плечами:

– Не знаю. Слухи ходили. – Он посмотрел на шайбу и аж языком прищелкнул от предвкушения.

Однако до содержимого шайбы Тормозилле предстояло сегодня добраться не скоро.

После вечернего перекура по распорядку дня полагалось готовиться к отбою, однако прапор Малунов приказал новичкам следовать в клуб и заняться морально-волевой подготовкой, которая, как и в «Ледовом раю», сводилась на базе к просмотру пропагандистских клипов.

Клип был незнакомым – в смысле конкретного сюжета и занятых в блокбастере актеров. Все остальное было знакомо дальше некуда. Удалые галакты, стоящие на страже всего светлого и доброго; мерзкие ксены, добивающиеся победы сил зла; схватки не на жизнь, а на смерть... Народ смотрел невнимательно, и Кириллу то и дело приходилось угомонять особенно шумных. Что поделаешь, командир обязан действовать не по своему хотению, а по уставному соизволению...

В двадцать два сорок пять показ клипа прервался. Вспыхнул свет.

В демонстрационный зал вошел прапорщик Малунов.

– Взвод, встать! – скомандовал Кирилл.

Все повскакивали с мест.

– Смирно!

– Вольно! – прапорщик усмехнулся. – Впредь, сержант, в

клубе можете людей не поднимать. Будем считать, что здесь, как в санблоке и в курилке, все равны. Садитесь, дамы и господа.

Народ уселся.

Прапор прошелся перед демонстрационным экраном, обвел новобранцев внимательным взглядом, который становился уже привычным.

– Вот что я хочу сказать вам, дамы и господа. Ваше подразделение оказалось удачливым, вам не пришлось в первый же день принимать бой с гостями. И все вы живы! Это радует не только вас, но и меня. Однако так будет продолжаться недолго, и потому я хочу показать вам сегодня кое-что. Возможно, тогда многое станет кому-то из вас более понятным... С другой стороны, мне совершенно ясно, что предстоящее сейчас большинству из вас совершенно не нужно. – Малунов снова обвел сидящих внимательным взглядом. – Заинтриговал, да?

– Так точно! – послышались голоса с разных концов зала.

– Тогда прошу вас на выход. Строиться не надо. – Прапорщик повернулся к Кириллу. – Сержант Кентаринов, выводите людей на улицу.

Кирилл вскочил и с трудом сдержался, чтобы не скомандовать: «Встать, смирно!»

– Из клуба, парни.

Не будь здесь прапорщика, народ, загнанный пропагандистской поделкой в смертельную скуку, ломанулся бы на

выход с гиканьем и уханьем. Однако под его внимательным взглядом все вышли чинно и благородно, как выражается Спиря.

На улице уже стемнело. Наружное освещение не было включено, скоро глаза привыкли к темноте, и Кирилл обнаружил, что над базой раскинулось глубоченное небо с огромными яркими звездами. Такое небо он последний раз видел, когда приютские крысеныши были с Доктором Айболитом на рыбалке под Петербургом. Свозил их пару раз Доктор на Карельский перешеек. Купание до посинения, приправленная дымком уха с костра, полуночные разговоры за жизнь. И звезды над головой...

– Ну и темнотища! – послышался голос Витьки Перевалова. – Как у негра в заднице!

Вокруг захихикали. Кто-то щелкнул зажигалкой, закуривая.

– Отставить перекур! – скомандовал откуда-то из мрака Малунов. – Успеете еще перед отбоем подымить. Сержант Кентаринов, ведите бойцов на плац.

– Есть! – отозвался Кирилл. И добавил: – Еще бы дорогу на него отыскать.

– Ах да, вы же только сегодня высадились, не привыкли еще. – Голос прапора приблизился. – Я пойду первым, ориентируйтесь на мой голос. Кентаринов – замыкающим!

Он пошагал куда-то, рассказывая всем, что скоро и они будут ориентироваться тут в темноте, как у себя дома, по-

сколько обычно база после отбоя не освещается. Ибо охранной автоматике освещение до фомальгаута, а человек до сортира и в темноте добежать может...

– А если нападение? – спросил кто-то. – Или в дозор?

– А если нападение или в дозор, то ПТП на репу, и система разведки и целеуказания тут же сделает вам вокруг белый день.

За удаляющимся голосом прапора двинулись все. Глаза окончательно привыкли к темноте, и Кирилл уже хорошо различал в свете звезд силуэты соратников. Он пристроился за последней парой галактов – соратники по привычке создали некое подобие строя. Слева потянулась темная глыба какого-то здания. Впереди удовлетворенно пискнули: наверное, кто-то из обрезков пощупал кого-то из метелок за ананасы.

– Отставить тискаться! – негромко скомандовал Кирилл, остро ощущая идиотизм собственных слов: команда была не по уставу.

Пищать перестали. Зато незнакомый мужской голос произнес:

– А чё, сержант? Темнота – друг молодежи.

По– видимому, парочка была не из «Ледового рая».

Наконец стена слева закончилась, вышли на открытое пространство. Под призывы прапора «За мной! Сюда!» протопали еще немного.

– Стой! – сказал впереди Малунов. – Ждем всех. Отстаю-

щие, быстрее! Кентаринов, вы где?

– Тут я, господин прапорщик, – отозвался Кирилл. – Все тут.

– Очень хорошо. Встаньте-ка за мой спиной, дамы и господа.

Минута шевелений, вздохов и хихиканий... Наконец все глаза обратились к силуэту Малунова.

Прапорщик поднял хорошо видимую на фоне звезд руку и указал в небо:

– Вот эта звезда – местная полярная. Называют ее Сириусом, и в Солнечной системе она ярче всех остальных звезд.

– Э-э-э... – разочарованно прошептал кто-то. – Да тут занятия по астрономии. Я и в школе-то ее не учил, еле годовой зачет сдал.

Прапорщик услышал.

– Именно, – сказал он. – Именно занятие по астрономии. Первое и последнее. Чтобы вы знали, откуда сюда явились... Я продолжаю. К востоку от Сириуса, – рука его пошла вправо, – еще две достаточно ярких звезды. Вот смотрите, они выше той очень яркой звезды, которую зовут Ахернаром. Видите?

Послышались утвердительные ответы.

– Ту из этих двух звезд, что ближе к горизонту, называют Фомальгаутом. А вторую – Дифдой или Бетой Кита.

– На Тау Ките условия не те, – тут же пробормотал Спиря.

– Тихо ты, трепло! – одернула Ксанка.

– Не разговаривать! – сказал негромко прапорщик. – Постройте мысленно между Сириусом, Фомальгаутом и Дифдой треугольник. – Рука его вновь пошла выше. – А теперь посмотрите в центр этого треугольника. Там две совсем неяркие звездочки. Левая из них – наше Солнце.

– Такая маленькая? – разочарованно протянул кто-то.

– Да, маленькая. Но там ваша родина. Там Земля, где живут ваши родственники, и Марс, где из вас сделали галактов.

Кирилл совершенно не знал астрономии, но был уверен, что смотрит сейчас именно на Солнце, хотя эта подмигивающая искорка ничем не отличалась от своих соседок, и он вполне мог смотреть не туда, куда показывал прапорщик.

– Я мог бы провести это занятие в учебной аудитории, – продолжал тот, – но мне очень хотелось, чтобы вы увидели свою звезду наяву. Чтобы ощутили величие Вселенной, чьи гигантские расстояния превратили наше Солнце в эту мерцающую точку. И чтобы ощутили величие человеческого духа, который позволил вам преодолеть эти гигантские расстояния.

Все вдруг затихли, будто утонули в звездном небе.

Кирилл перевел взгляд на блистающий в ночи Ахернар и поежился.

Душу его охватило чувство бесконечного восторга. Скажи ему кто-нибудь пять лет назад, что он, приютский крысеныш, щенок, которого ждут впереди только трущобные питерские окраины, окажется вскоре под чужим небом, он бы

этому кому-то начистил за издевательство рыло со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде неизбежного водворения в Темный Угол. У него и в мечтах не было чужих небес. Но минуло с той поры меньше двух тысяч дней, и он здесь, под чужим небом. Вот только зачем? Неужели затем лишь, чтобы палить из трибэшника да сворачивать шеи? Чтобы убивать... Недалеко же тогда он ушел от себя того, что превратил в кровавую мешанину смазливое личико Ритки Пospelовой...

– Скажите, господин прапорщик, – слышался Ксанкин голос, – а вот эта яркая звезда, этот Ахернар... Мы сможем побывать возле нее?

– Эта звезда находится за пределами Мешка, – сказал прапорщик. – Так что побывать возле нее вы не сможете.

«Как будто ты сможешь!» – подумал Кирилл, обидевшись за Ксанку.

– Вернемся к нашим баранам, – продолжал Малунов. – Я хочу, чтобы вы поняли одно... Вы преодолели гигантские расстояния для того, чтобы их никогда не преодолел враг. Чтобы он никогда не добрался до этой маленькой искорки, которую мы называем Солнцем, и чтобы ваши родственники никогда не испытали страха перед небом, с которого на их головы могут свалиться ксены. Вы здесь для того, чтобы заслонить их собой. Вы защитники Земли, Солнечной системы и других миров, освоенных человечеством. В истории людям не раз приходилось становиться защитниками своего отече-

ства, но между былыми войнами и нынешней есть гигантская разница. Прежде люди воевали с людьми, и в подавляющем большинстве этих войн не было угрозы всему человечеству. Нынче же, если мы проиграем, человечество может попросту исчезнуть из Вселенной.

Кто— то громко вздохнул.

А потом послышался голос Витьки Перевалова:

— Зачем нам ваш урок астрономии, господин прапорщик? Вы нам подайте монстров... или, как вы говорите, гостей... и тогда мы посмотрим кто из нас чего стоит.

Малунов издал смешок, в котором — Кирилл мог поклясться! — прозвучала откровенная грусть.

— Гости вы получите очень скоро, господин торопыга. И мы посмотрим кто чего стоит. А урок астрономии я провел для того, чтобы вы посмотрели на Солнце. Потому что среди вас есть те, кто через сутки уже никогда его не увидит.

У Кирилла ухнуло вниз живота сердце — аж прикольные мячики похолодели. Кто-то вдруг всхлипнул в темноте.

— А теперь, — грусти в голосе прапора больше не было и в помине, — короткий перекур и отбой.

Над плацем вспыхнуло освещение, ослепив новобранцев, временно лишив их этой слепотой неба и словно подчеркнув этим несомненную правоту предпоследней реплики Малунова.

Вернувшись в казарму, Кирилл переложил маленькую шайбу из кармана мундира под подушку. А после сигнала

«отбой», когда в окнах снова стало темно, как у негра в заднице, сунул руку под подушку, достал холодный кругляшок и вставил хоботок в правый штек.

Второй день на Незабудке начался с подъема и комплекса разминочных физических упражнений. Потом последовал плотный завтрак. Можно было подумать, что бывшие курсанты и не покидали территорию «Ледового рая», кабы не отсутствие вокруг базы темно-коричневой стены Периметра.

После завтрака отправились на короткий перекур. Потом откуда-то донесся звук горна, и тут же последовала команда старшины Выгонова:

– Новобранцы! На раздачу!

– А чё раздавать будут, господин старшина? – спросил Спиря, дурачась.

– Ржавые пистоны для любопытных, – грозно ответил Выгонов. – Сержант Кентаринов, стройте людей и на плац!

Потопали на плац. Народа и сегодня оказалось не так уж и много – во всяком случае, на построении присутствовало не более двухсот человек. Правда, еще во время разминки Кирилл заметил, как с территории базы взмыли в воздух две атээски модели «шмель». Ну, значит, еще максимум восемнадцать человек. Ну, плюс те, кто находятся в нарядах и в дозоре. Все равно – не больше двух с половиной сотен человек. Не слишком большая база... Впрочем, меньше народу – больше, как известно, порядка. Этого армейского правила еще никто не отменял.

Подпол Бурмистров, начальник базы, отдал приказ провести перекличку. Пока выкрикивались фамилии бойцов, перемежаемые короткими «Я!», Кирилл вспоминал свои ночные приключения. Метелка, вызываемая к виртуальной жизни шайбой, была невыносимо желанна перед процессом, но когда все заканчивалось, Кирилл тут же в очередной раз убеждался, что живая метелка лучше любой виртуальной. Однако ведь связаться с кем-либо – значило изменить Светлане!...

– Сержант Кентаринов! – послышался голос Малунова.

– Я! – автоматически отозвался Кирилл, не прерывая размышлений.

Однако вскоре мысли о Светлане пришлось выкинуть из головы, поскольку подполковник предоставил слово местному капеллану, капитану Топоткову, и тот выступил с короткой речью, смысл которой мало отличался от подобных речей начальства в «Ледовом раю». Да и от вчерашней его речи – тоже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.